

Виктор Дашкевич

Книга 2

ТАЙНА
МЕРТВОГО
РЕКТОРА

✧ Колдун ✧

Российской империи

Колдун Российской империи. Расследования графа Аверина

Виктор Дашкевич

Тайна мертвого ректора. Книга 2

«ЭКСМО»

2025

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Дашкевич В.

Тайна мертвого ректора. Книга 2 / В. Дашкевич — «Эксмо»,
2025 — (Колдун Российской империи. Расследования графа
Аверина)

ISBN 978-5-04-218220-4

Раскройте загадочное убийство ректора московской колдовской Академии! Расследование продолжается: мотив желать ректору смерти был у многих преподавателей и студентов. Владимир и Кузя, а также дивы Академии, активно помогают в поисках, круг подозреваемых растет, но добиться откровенности непросто – никто не готов раскрывать свои тайны. Кроме запутанного дела Гермеса Аверина беспокоят и планы бывшего императорского дива, который просит с ним встречи: слишком многое зависит от ее исхода. Чем закончится новое путешествие в Пустошь, которое определит не только судьбу империи, но и мира людей?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-218220-4

© Дашкевич В., 2025
© Эксмо, 2025

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	22
Глава 3	31
Глава 4	42
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Виктор Дашкевич

Тайна мертвого ректора. Книга 2

© Дашкевич В., 2025

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

* * *

Глава 1

Коимбра встретила почти летним теплом. Только что прошел дождь, и мокрые ночные улицы непривычно пахли какими-то экзотическими цветами. Кузя словно летел сквозь оранжерею. Четвертинка луны, иногда появляющаяся из-за туч, тоже выглядела необычно: лежала на боку и была похожа на маленький сияющий кораблик.

Главный корпус Академии Коимбры больше напоминал дворец, чем административное здание, но в этом не было ничего удивительного – Кузя уже знал, что очень давно монарх дон Жоау подарил Академии свой королевский дворец.

В свете фонарей тускло мерцали темные стекла окон, и только в одном, открытом нараспашку, горел свет. И по потоку исходящей из окошка силы Кузя понял: ему именно туда.

Каркнув для предупреждения, он влетел в окно. Див, вполоборота сидящий за столом, поднялся и неспешно повернул к пришельцу голову. Высокий, в длинной черной мантии, из-под которой виднелся воротник темно-зеленой рубашки, он даже в человеческом облике производил впечатление. Темные, тщательно расчесанные вьющиеся волосы длиной почти до лопаток рассыпались у него по плечам настолько эффектно, что Кузя про себя хмыкнул – было совершенно очевидно, что элегантное движение головой не случайно, а тщательно отработано.

А мощь от дива исходила такая, что у Кузи зачесалось где-то в районе уха, вывернутого когда-то Инессой. Что же, неудивительно. Это ректорский див. На его черной мантии недвусмысленно поблескивала серебристая брошь в виде льва.

– Не бойся, посланник. – Див сделал рукой приглашающий жест. Его голос на удивление не прогремел набатом в голове у Кузи, как можно было бы ожидать от такого сильного дива, а наоборот, негромко прошелестел, будто это были собственные Кузины мысли.

Галка подлетела к столу дива, и тубус с письмом лег на столешницу. Див посмотрел на печать: черный сургуч с вензелем.

– Как жаль... Это было ожидаемо, но все равно дон Криштиану расстроится. Уже известно, кто следующим займет должность ректора?

– Это решит коллегия, – уклончиво ответил Кузя.

– Ты можешь принять истинную форму и отдохнуть с дороги. Но встретиться с доном Криштиану я позволю не раньше завтрашнего утра, даже ради такой трагической новости я не стану его будить.

Кузя с облегчением принял человеческий облик. Устал он преизрядно, ведь громоздкий неудобный тубус сильно нарушал аэродинамику маленькой галки. Но не успели его ноги коснуться пола, как коимбрский див оказался рядом и схватил его за руку:

– На твоём ошейнике не вензель Академии. – Див посмотрел ему прямо в глаза. В его собственных, абсолютно черных, не было видно даже зрачков.

Кузя инстинктивно поежился, но взял себя в руки и, неопределенно пожав плечами, ответил:

– Ты же видишь вензель на письме. Разве этого недостаточно? У меня официальный статус посланника, не сомневайся.

– Не сомневаюсь. На тубусе заклятие, и никто, кроме настоящего посланника, на которого наложено такое же заклятие, не мог бы без последствий прикоснуться к нему. – Див отпустил руку Кузи, но не отошел, а продолжил сверлить его взглядом: – Ты полицейский див. Что произошло в Московской Академии? Я не верю, что не нашлось посланника из числа дивов Академии.

– Ты прав, я полицейский див. Но это никак не связано со смертью ректора Светлова, – не моргнув глазом соврал Кузя. – Есть причина, почему с этой печальной вестью отправили именно меня.

Надо же, каким прозорливым оказался этот дедушка Меньшов...

«Ты долетишь ночью. Встретит тебя Педру, див ректора дона Криштиану, – инструктировал старый колдун. – Сам ректор, скорее всего, будет спать. И примет тебя с официальным докладом не раньше чем позавтракает, а скорее всего, и после обеда. Ректору нужно будет просто доложить о смерти господина Светлова. А нашу легенду расскажешь Педру. Но лишнего не болтай, вдруг дон Криштиану захочет задать пару уточняющих вопросов. Педру сразу поймет, что дело нечисто, поэтому проявляй осторожность. Не будет большой беды, если в Коимбре узнают о том, что господин Светлов был убит, но, сам понимаешь, такой сор лучше из избы не выносить. Тем более до того, как мы поймем преступника».

Кузя все прекрасно понимал. Поэтому изо всех сил старался соответствовать инструкции, данной проректором.

– Не связано? – див Педру прищурился. – Хорошо. Тогда с чем же связан визит полицейского дива Российской Империи в Академию Коимбры?

– Не столько в Академию, сколько лично к тебе. Проректор Меньшов очень просит помочь ему в одном важном проекте.

– О? – Глаза Педру расширились. – Проректор Меньшов... как он? Я слышал, он сильно пострадал во время Прорыва, хорошо ли у него со здоровьем?

Выражение лица главного дива Коимбры заметно потеплело. А глаза замерли на миг: див предавался каким-то воспоминаниям.

Надо же... имя старого колдуна оказало поистине волшебное действие.

– Хорошо, для его возраста так точно. Крепкий дядька и очень сильный колдун, прямо ух.

Рассказывать о том, что проректор оказался на больничной койке, Кузя, разумеется, не стал. Да и в целом его слова не слишком-то исказили истину. Выдавая диву наставления, Меньшов выглядел вполне бодро для старика, который совсем недавно чуть не помер от перенапряжения.

Ответ понравился Педру, див вернулся за свой стол и похлопал по нему рукой:

– Подойди сюда и расскажи, что за задание дал проректор Меньшов и чем я могу ему помочь.

Кузя принялся осторожно излагать легенду. Когда используешь ментальную связь, очень сложно скрывать свои мысли от другого дива, особенно когда этот див намного сильнее. Если будешь неосторожен – можешь подумать что-то не то и случайно выдать не предназначенную для собеседника информацию. Но Кузя успел потренироваться с Владимиром.

– Это личное дело проректора Меньшова. И оно касается безопасности Академии. Больше я тебе рассказать не могу. Просьба заключается в следующем: меня собираются выдать за студента Академии Коимбры, прибывшего в Москву по обмену, и подготовить меня к этому можешь только ты. Господин Меньшов сказал, что никто, кроме тебя, не способен за короткое время вложить в мою голову все необходимые знания. У тебя в этом огромный опыт, и вообще, ты настоящий талант.

Кузя аж кожей почувствовал исходящее от ректорского дива удовольствие. Ну надо же! Откровенно льстивые слова старого колдуна произвели на Педру большое впечатление. Этот див, такой сильный и древний, оказался весьма падким на похвалу. Что же, надо это учесть. Кузя продолжил:

– Сложность в том, что изображать колдуна я буду перед студентами Академии. И мне нужно изобразить его максимально правдоподобно. Мне надо выучить язык, как следует осмотреть вашу Академию и ознакомиться с порядками и правилами. А еще проректор Меньшов сказал, что у тебя есть какие-то секреты. И если ты поделишься ими со мной, он не останется в долгу.

– Секреты? – на губах дива заиграла довольная улыбка, и он снова едва заметно тряхнул головой, рассыпая по плечам свои роскошные кудри. – Что же, можно и поделиться некото-

рыми секретами. А что касается порядков и правил... о, я уверяю, ты с ними познакомишься в полной мере. Сколько у нас времени?

– Сутки и двенадцать часов.

– Достаточно. Надень это, – Педру подошел к шкафу, открыл его и достал странную длинную рубаху без застежек.

Кузя с удивлением пощупал грубую ткань, однако натянул через голову предложенную одежду. Роба сидела мешком и доходила почти до пола, но на поверку оказалась не такой уж жесткой и кусачей.

– А теперь бери мыло и иди за мной, – велел Педру, указав на стоящий в углу рукомойник.

– Мыло? – удивленно сказал Кузя вслух, но спорить не стал.

Педру открыл дверь, и они двинулись по неширокому темному коридору, а затем вышли на лестницу и стали спускаться. Миновали еще один коридор, продолжили спуск и наконец очутились в подвале. Здесь было настолько темно, что Кузя едва различал очертания стен и потолка. Но запах серебра он ощутил отчетливо.

– Это что? Где мы? – с подозрением спросил он.

– Сейчас узнаешь, – ответил Педру и, открыв тяжелую скрипучую дверь, буквально толкнул Кузю внутрь.

– Эй! – воскликнул Кузя, но больше ничего сказать не успел: дверь с грохотом захлопнулась, с обратной стороны лязгнув засов.

Кузя бросился к двери.

– Эй! – он попытался нащупать разум Педру. – Что это значит?! – он заколотил в дверь. Но ответом ему была тишина.

Он отошел от двери и огляделся. Небольшая камера, напоминающая комнаты дивов в общежитии Управления. Через решетчатое окошко тускло светила едва проглядывающая из-за туч луна. Но этого света с лихвой хватило, чтобы Кузя смог изучить помещение, в которое попал.

Стены из толстого дикого камня, решеток внутри них не ощущалось, но серебряного порошка в скрепляющий их цемент строители явно не пожалели.

Решетки на окнах тоже были серебряными, и от них шел запах заклятий. Нет, их точно не вырвать. Равно как и дверь. Если ломать, то все-таки стены. Надо поискать место, где цемент слабее, как тогда, в отеле у Рождественского...

Кузя обратился котом и принялся обнюхивать стены. Но внезапно остановился и, запрыгнув на широкую деревянную скамейку, стоящую под окном, задумался. Потом посмотрел на мыло, которое положил на скамью перед тем, как принять облик кота. Зачем этот Педру дал ему мыло? Нет, все не так просто. Не стоит принимать необдуманных решений.

Ведь если Кузя проделает дыру в стене, Педру его по головке не погладит. И тогда рассчитывать на помощь дива, а уж тем более ректора Академии, бессмысленно. Надо понять не как выбраться, а почему он тут очутился. Педру не поверил в легенду? И решил запереть подозрительного пришельца до утра, пока не проснется ректор и не примет на его счет решения? А может, ректорский див вообще пошел в кабинет и сейчас позвонит проректору Меньшову и спросит у него, правда ли то, что рассказал Кузя?

Да, это имеет смысл. И в таком случае остается только ждать и размышлять, в чем же Кузя прокололся. Жалко, конечно, потерянного зря времени, но придется поднапрячься, что поделать. Кузя растянулся на лавке, свесив с нее лапы, и принялся ждать.

Ждать пришлось недолго. Не прошло и десяти минут, как снаружи снова заскрежетал засов и дверь открылась.

– Ну наконец-то! – Кузя вернулся в человеческую форму и вскочил на ноги. Он думал, что Педру сейчас объяснит причину его заключения, но вместо этого див положил на скамейку стопку книг.

– Что это? – Кузя посмотрел с интересом.

– Четыре сверху – учебники португальского языка. От начального до высшего уровня. Плюс словарь. Остальные – книги по истории Академии Коимбры. Сейчас одиннадцать вечера. Я приду в пять утра и буду задавать вопросы – на португальском, естественно. Если ответишь правильно – пойдешь завтракать.

– А если нет? – Кузя усмехнулся.

– За каждую ошибку я буду отрывать тебе ухо.

– Что?! – Кузя аж подпрыгнул на месте. – У меня их всего два!

– Ты собираешься так часто ошибаться? – невозмутимо спросил див.

– Нет... ну у вас тут и порядочки. Чуть что, сразу за уши! Ты хуже Инессы!

Педру пристально посмотрел на Кузю.

– Инеш намного опаснее меня, – с этими словами он вышел.

Снова раздался скрежет засова. Кузя завертел головой. На потолке обнаружилась лампа, скрытая за плоским квадратным абажуром, но выключателя видно не было.

– А как я читать буду? При свете луны? – возмутился он вдогонку. И тут же камеру залил свет.

– Нет конечно. Эти камеры предназначены для провинившихся студентов. И наказание никак не отменяет необходимости делать домашнее задание или готовиться к экзаменам, – раздалось у него в голове. – У тебя шесть часов.

– Теперь понятно, почему меня так нарядили... – сказал Кузя вслух и потер ухо. Не зря, выходит, оно чесалось.

Он уселся на лавку, подпернул удачно оказавшуюся весьма теплой робу, чтобы не мешала, скрестил ноги и взял первую книгу.

Педру, как и обещал, появился ровно через шесть часов. Кузя, услышав звук отодвигающегося засова, вскочил и встал посреди камеры. Просто так он свои уши не отдаст!

– Ты выучил грамматику, теперь займемся аудированием и речью. – Педру расположился на скамье.

Своеобразный экзамен занял полчаса. Португальский язык почему-то казался Кузе смутно знакомым, поэтому давался довольно легко.

– Не «с», а «ш», – только заметил Педру. – И произноси «р» правильно. Ты говоришь с испанским акцентом.

А уж история Академии оказалась настолько увлекательной, что Кузя сам не заметил, как проглотил всю оставленную ему гору книг. И на вопросы Педру давал емкие подробные ответы. И, судя по сохранности своих ушей, не ошибся ни разу.

– Хорошо, – наконец проговорил коимбрский див, – выходи. Как ты мог заметить, я не задавал тебе грамматически сложных вопросов. Если ты не поймешь что-то из того, что я говорю, смело переспрашивай. Никакого наказания за это не будет. Идем, тебе приготовлен завтрак.

На столе в небольшой комнате с деревянными скамьями действительно ждала огромная тарелка: овощи и внушительный пласт мяса на кости. Кузя не сдержался и облизнулся – желудок сводило от голода.

– Я могу все это съесть? – на всякий случай поинтересовался он у Педру.

– Конечно, – тот не сводил с него взгляда. И Кузя сразу почуял подвох. А шагнув к столу, понял, что не ошибся.

Приборы – нож и вилка – совершенно точно были из серебра. Кузя подошел ближе, потрогал и тут же отдернул палец.

– Это что, шутка? – нахмурился он.

– Отнюдь, – Педру продолжал смотреть на него в упор, – это серебро. Видишь ли, колдунам очень часто подают к трапезе столовое серебро. И ты должен пользоваться им и при этом не вызывать подозрений. Как ты понимаешь, есть руками или в перчатках в приличном обществе не принято.

– Проректор Меньшов всегда носит перчатки!

– Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку, – Педру поднял палец вверх.

– Чего? Какому еще быку? – Кузя вздохнул. – Ладно, я понял. Что я должен делать?

– Подумай.

– А! Погоди-ка!.. – Кузя повертел в руке кусочек мыла, который прихватил с собой.

– Иди к раковине и намыль как следует руки. Очень хорошо намыль. Потом размажь мыло и дай ему высохнуть.

– Ага... – Кузя направился к раковине. Намылил руки до пены, размазал ее и затряс в воздухе, высушивая.

– Достаточно? – спросил он, когда мыло перестало быть заметно.

– Иди и ешь, – разрешил Педру.

Кузя сел за стол и осторожно взялся за вилку.

– О... – только и смог проговорить он. Серебро пекло руку, но не настолько сильно, чтобы вилку хотелось немедленно бросить. Кузя наколол на нее кусок картошки и отправил в рот. Потом схватил нож и мгновенно отрезал им кусок мяса.

– Не торопись, – велел Педру. – Люди, даже колдуны, не едят с такой скоростью.

– Угу... – пробормотал Кузя и воскликнул: – Ай! – Пальцы, в которых была зажата вилка, начало жечь так, что Кузя, кинув ее на стол, машинально сунул обожженный палец в рот. И понял, что сделал это очень зря.

– Тьфу! Проклятое мыло! – выругался он.

– Теперь повтори это по-португальски. А потом встань и нанеси еще слой мыла. Как видишь, ты сделал недостаточно.

Кузя вернулся к раковине. Палец болеть уже перестал, и он принялся намыливать руки особенно тщательно.

– Как это работает? – спросил он.

– Очень просто. Мыло создает тонкую защитную пленку на руках, невидимую человеческому взгляду. Это позволяет, пусть недолго, держать в руках серебро, не привлекая внимания. Но, повторяю, недолго. Тебе надо научиться вовремя выпускать вилку из рук и прятать руки от посторонних глаз, пока ожог не заживет. Но не в рот, разумеется. Просто держи руки так, чтобы люди видели только тыльную сторону. Болтай во время еды – это не очень красиво, зато ты можешь на время отложить столовый прибор в сторону. Ты все понял?

– Понял, – Кузя помахал руками в воздухе.

– Тогда продолжим.

В конце концов Кузя разделался с завтраком.

– Готов? – не давая ни минуты передышки, спросил Педру. – Испытание, которое тебе предстоит, не будет легким.

– Испытание? Еще одно?

– Одно? – Педру демонстративно приподнял брови. – Дитя, их будет еще очень много. Иди за мной.

Педру поднялся и неожиданно принялся раздеваться. Он аккуратно сложил рубаху, штаны и мантию на кресло. И, подойдя к окну, выпрыгнул из него, на лету меняя форму. Над главным корпусом Академии взмыл крылатый черный лев.

Кузя, обратившись галкой, последовал за ним.

Город просыпался. Во многих окнах уже горел свет, на улицах начали появляться люди: колдуны спешили на тренировки, обслуживающий персонал – на работу, чтобы подготовить учебные корпуса к рабочему дню. На пролетающих в утреннем небе дивов внимания никто не обратил.

Наконец городские огни остались позади.

– Куда мы летим? – поинтересовался Кузя.

– Скоро узнаешь.

Сначала они летели над землей, но потом в первых лучах занимающейся зари Кузя увидел воду. Не просто воду – бесконечная гладь простиралась до самого горизонта, даже Кузя своим зрением не смог увидеть ее границ, и темно-синяя вода, казалось, была живой и дышала, притягивая к себе.

Так вон он какой... океан. Кузе доводилось видеть Ладогу и Финский залив, но то, что раскинулось перед ним, вселяло настоящий ужас. Кузя даже не представлял, что может существовать столько воды. Это было похоже на Пустошь с ее бескрайними льдами. И вода... не была спокойной.

Кузя попадал в шторм на катере в Финском заливе. Это было страшновато, но тогда див беспокоился больше за хозяина, а не за себя. А то, что он увидел сейчас... даже сравнить было сложно с крохотными волнами на заливе. Над поверхностью воды вздымались огромные валы с такими белоснежными гребнями, что создавалось впечатление, будто они светятся своим собственным светом. Даже приближаться к береговой полосе не хотелось: казалось, стоит хоть немного снизиться – и эти светящиеся пенные пики взметнутся вверх, схватят и утащат в пучину.

Но Педру молча летел вперед, словно не замечая бушующей стихии. И Кузе ничего не оставалось, как следовать за ним.

Наконец они добрались до мыса, сильно выдающегося в море, на котором мигал маяк. И на этот мыс Педру и начал опускаться.

Навстречу вышел мужчина в форме, похоже смотритель маяка, и поприветствовал ранних гостей.

Кузя понадеялся, что опасность миновала, и огляделся с некоторым облегчением. Хотя океан, конечно, все еще оставался рядом и огромные волны разбивались о береговые скалы с таким грохотом, что было трудно расслышать, о чем говорит Педру со смотрителем. Говорили они быстро, поэтому Кузя почти ничего не понял из их разговора, кроме слова «одежда».

– Пойдем, – позвал Педру Кузю, закончив разговор, – сейчас ты пройдешь очень важное испытание. И научишься тому, что обязан знать и уметь любой студент Коимбры, но не умеет ни один див в мире. Почти ни один. Но для начала ответь на вопрос: готов ли ты переступить через страх? Не простой страх, нет. Через глубинный, инстинктивный, почти неконтролируемый ужас каждого дива?

Волоски на теле Кузи зашевелились. Его зрачки сузились, и он почувствовал, как от волнения невольно появляются клыки.

– Конечно, – насколько мог уверенно произнес он и для убедительности махнул рукой, надеясь, что получилось легко и беспечно.

– Тогда пойдем.

Они зашли в сарай. Кузя с удивлением рассматривал длинные и совершенно плоские лодки с петлями посередине и костюмы, которые выглядели как снятая с человека кожа. Не выдержав, он подошел и потрогал один из них – он был сделан из плотной, но довольно мягкой на ощупь резины.

– Надевай, – раздался за спиной голос Педру.

Сам он уже был облачен в один из странных костюмов.

Кузя хмыкнул, взял тот комбинезон, что был ближе всех, и натянул на себя. Педру одобрительно кивнул.

– Что это? – спросил Кузя, хотя уже начал догадываться.

– Это гидрокостюм. Он защитит твое тело от прямого соприкосновения с водой. Соленая морская вода, особенно вода океана, очень опасна для нас. Даже через костюм она все равно будет вытягивать из тебя силы, но материал не даст ей сделать это слишком быстро.

– Э... – Кузя прикусил губу, – мы что же, плавать будем? Там?.. – Он недоверчиво покопился на дверь, из-за которой доносился рев прибоя.

– Нет. Намного лучше, – Педру неожиданно улыбнулся настолько счастливой улыбкой, что Кузя невольно поежился.

– Вот эта, пожалуй, подойдет, – див взял одну из очень длинных и плоских, похожих на доску лодок и пошел к двери.

– За мной, – бросил он, не оборачиваясь.

Кузя поплелся следом.

Они вышли на самый край мыса. Волны бесновались так, что Кузю тут же окатило пеной брызг. Он фыркнул, инстинктивно отряхиваясь, отчего Педру негромко засмеялся.

– Это место называется Назаре. Здесь самые высокие волны, – пояснил он. – А теперь оставь гидрокостюм и лети за мной. И очень внимательно смотри за тем, что я делаю. Не пропусти ни единой мелочи. Я буду стараться все делать помедленнее.

– Ага... – предчувствуя недоброе, произнес Кузя и обратился галкой. А Педру, вернув себе боевой облик, подхватил лапами доску и свой резиновый комбинезон и взмыл над океаном. Кузе пришлось полететь следом.

За полосой прибоя океан выглядел спокойнее. Тяжелые валы то поднимались, то опускались, но не гремели и не тянули вверх пенные гребни. Однако птичье сердечко отчаянно билось: Кузя чувствовал, как океан очень быстро выпивает его жизнь.

Педру же приблизился вплотную к воде и, уронив на волны свою доску, встал на нее на две задние лапы. Кузя едва успел моргнуть, как лев обратился человеком и тут же облачился в резиновый костюм, после чего лег прямо на доску и погреб к берегу, плавно скатываясь с валов и взбираясь на следующие.

Но не к скалам он плыл, а к пологому песчаному пляжу, где вздымались такие громадные волны, что Кузя быстрее поднялся повыше, чтобы не попасть под брызги, летящие над валами.

Внезапно доска, на которой лежал див, начала вздыматься вверх вместе с волной. Педру принялся грести очень быстро, обогнал волну, а когда она поднялась над поверхностью метров на пятнадцать, встал на доске во весь рост и помчался вниз по ее склону как с ледяной горы. За ним, ревя и брызгаясь, поднимался здоровенный пенный гребень. А крохотная фигурка на белой доске, словно играя с бушующей стихией, убегала от нее. Доска лавировала на почти отвесной водяной стене, и Кузя в ужасе и восторге затаил дыхание, глядя на открывшееся ему зрелище. Неожиданно коимбрский див сместил равновесие, вместе с доской оттолкнулся от волны, сделал в воздухе сальто назад, снова приземлился на стену воды и продолжил скользить в том же направлении. От удивления Кузя даже приоткрыл клюв.

«Запомнить». Он ни разу не моргнул, впитывая глазами каждое движение Педру.

Наконец волна с грохотом обрушилась на песчаный берег, и в ту же секунду Кузя увидел, как взлетает из пенных брызг крылатый лев с доской, зажатой между лапами.

Кузя приземлился на песок подальше от полосы прибоя и с шумом выдохнул, а затем судорожно сглотнул. Когда Педру приблизился, сразу же спросил по ментальной связи:

– Теперь я? Но моя боевая форма... она... нелетающая...

Педру принял человеческий облик и подошел так близко, что Кузя еле сдержался, чтобы не отступить. Заговорил по-русски:

– Я хочу, чтобы ты понял. Если ты сорвешься с доски – то тебя накроет гребнем волны и ты мгновенно окажешься метрах в десяти-пятнадцати под толщей воды. Океан не река, это ты уже почувствовал. Сам ты не выберешься, даже я не гарантирую, что вытащу тебя. Ты можешь отказаться от этого испытания и вернуться домой. Поэтому я спрашиваю тебя в последний раз: ты готов?

Кузя облизал губы. Потом еще раз. Представил, как говорит колдуну Меньшову, что не смог выполнить задание, потому что испугался воды. И что тот подумает про хозяина Кузи, Гермеса Аркадьевича? А отказался бы Владимир? Испугавшись? Конечно нет!

И, наклонив голову, Кузя презрительно усмехнулся:

– Выглядело обалденно. Я готов.

– Тогда одевайся. Я отнесу тебя.

Взметнулись черные крылья. Кузя ошалело уставился на Педру: тело дива не изменилось, только крылья появились за человеческой спиной. Из рта высунулись кончики клыков, и лицо стало больше напоминать львиную морду. Кузя всегда немного завидовал тем, у кого истинная форма – крылатая. Но уметь так необычно трансформировать свое тело... сам Кузя, как и большинство дивов, мог менять в истинной форме только клыки и когти.

Но додумать эту мысль он не успел. Педру подхватил и его, и доску и взмыл вверх. Спустя несколько мгновений Кузя увидел, как мощные валы уже несутся ему навстречу, руки и ноги его коснулись мокрой и скользкой доски, и он немедленно упал на нее ничком, вцепившись изо всех сил в края.

С десяток бесконечных секунд волны просто несли его, но потом Кузя сумел сосредоточиться. Надо грести. Чем быстрее он скатится с кошмарной волны, тем меньше энергии потеряет. Если задержаться, времени может не хватить, океан просто высосет из него остатки силы. Кузя заставил себя отлепить руки от доски. Пальцы дрожали. Прижавшись к ненадежной, выскальзывающей из-под живота поверхности, он погреб туда, где во время подъемов виднелась широкая полоса песка.

Сзади начала нарастать волна. Сперва она была широкой и пологой, но чем ближе к берегу, тем выше она вздымалась. Кузя отчаянно греб. И вскоре, обогнав волну, оказался на ее крутом склоне, а над ним начал заворачиваться огромный гребень. На мгновение Кузя подумал, что даже Императорский див не казался таким чудовищно сильным, хищным и неумолимым, как эта летящая позади вода. И он понял: надо вставать. Если он сейчас не встанет, то скорости не хватит и вал догонит его и погребет под собой. Еще можно было превратиться в галку и рвануть вверх, к чистым прозрачным небесам. Подальше от этого ужаса...

Кузя медленно поднялся на одно колено. До крови прокусив губу, заставил себя оторвать от доски одну, а потом и вторую руку. И, отчаянно балансируя, сунул ноги в петли, выпустил для надежности когти и выпрямился во весь рост. И заскользил вниз по стене воды. Казалось, у него получилось. Но тут же он понял свою ошибку. Педру ехал быстро и каким-то образом то съезжал со склона волны, то вновь на него поднимался, постоянно ускользя от обрушивающегося с высоты гребня. А Кузя потерял время, борясь с инстинктами, разогнался недостаточно и теперь скользил не вбок, а вниз, а над его головой, неотвратимо догоняя, ломалась гигантская волна, схлопывалась ревущая масса воды. Бурлящая пена вот-вот должна была обрушиться на маленькую фигурку на доске. Кузя немного вытянул руки и перенес равновесие в попытке разогнаться и повернуть, чтобы избежать столкновения с гребнем. Так делал Педру, но у Кузи ничего не получилось. Ноги затряслись, и он чуть не свалился в воду.

И в эту секунду ощутил, как дрогнула доска от легкого касания, и перед ним появился Педру. Доска выровнялась, немного изменила траекторию и легко и быстро заскользила по покоренной волне, а гигантский гребень остался позади. Страх моментально отпустил. Появился восторг, причем настолько сильный, что Кузя понял: он ощущает не только собственные эмоции, но и чувства стоящего рядом совершенно безумного дива Педру.

Педру сменил облик, львиные лапы подхватили человеческое тело, и Кузя, едва успев схватить в охапку доску, взмыл в небо.

Когда же его ноги коснулись земли, он произнес:

– Зря ты так рано вмешался. Я бы сам, наверное...

Педру отрицательно потряс мокрыми черными волосами:

– Наверняка тебе уже говорили, что ты слишком самоуверен. Это – твоя слабость. Но ты смел, и это хорошо. Большинство дивов Академии из тех, что я пытался научить искусству скольжения по волнам, улетали, если могли. Либо, скованные ужасом, падали в океан, не в силах подняться на ноги. Некоторые погибли, и мой повелитель не был этим доволен. Поэтому мне пришлось отказаться от обучения. Восьмиметровая волна опасна даже для меня.

– Восьмиметровая? А мне показалось, в ней метров пятьдесят... – Кузя вновь почувствовал, как задрожали пальцы.

Педру негромко засмеялся:

– Проректор Меньшов сказал то же самое.

– О... – удивился Кузя, – ты сумел заманить дедушку Меньшова на эту ужасную штуку? Да разве людям такое под силу?

– Этот спорт придумали люди. Самые умелые покоряют волны намного выше, чем эта мелочь. Пятнадцать, даже двадцать метров, и я уверен, это не предел.

– Ого! – воскликнул Кузя и недоверчиво посмотрел вниз с обрыва. – Среди этих громадин? Люди? Колдун Меньшов?

– Проректор Меньшов прибыл сюда с официальным визитом, когда стал профессором Академии. Ему тогда было пятьдесят два года. И он сразу заинтересовался скольжением по волнам. Я лично обучал его. Даже дон Антониу, отец дона Криштиану, приезжал посмотреть на его успехи. К сожалению, проректор Меньшов не появлялся у нас уже три года, а ведь раньше не пропускал ни одного сезона. Человеческий век слишком короток.

Кузя знал, что должность ректора в Академии Коимбры наследственная, а значит, посмотреть на подвиги профессора Меньшова приезжал предыдущий ректор. Наверное, это большая честь.

– И много колдунов этим занимается?

– Все. – В глазах Педру что-то блеснуло. – Я сумел убедить дону Антониу, что это занятие весьма полезно для колдунов. Оно развивает ловкость, реакцию и равновесие. А также формирует твердость характера и смелость. Вот уже двадцать лет, как скольжение по волнам стало обязательной дисциплиной в Академии. И я лично принимаю зачеты. Я уверен, что колдуны весьма благодарны мне за это. Однако после выпуска большинство из них забрасывает это занятие. И мне непонятно почему. Я как раз работаю над новыми мерами, чтобы сделать этот спорт более популярным.

– Выходит, ты знаешь проректора Меньшова уже много лет? – спросил Кузя. Информация Педру могла помочь Гермесу Аркадьевичу. Надо расспросить дива подробнее. – Сразу, как он ушел со своей службы в Академию?

– Нет, дитя, – ответил Педру, – мы познакомились раньше, много раньше. В первый его официальный визит в Коимбру я был очень удивлен, узнав в русском профессоре британского капитан-лейтенанта, который обыграл меня в покер в сорок седьмом году. В то время я не только не понял, что передо мной разведчик, но и считал, что обыграть меня, если я не поддаюсь специально, невозможно. Тем не менее не сомневаюсь, что и профессор был не менее удивлен, узнав, что я не человек.

Лицо Педру неожиданно приняло озабоченное выражение.

– Как же я неосторожен, – спохватился он, – ты же не див Академии. У твоего хозяина нет доступа к информации о проректоре Меньшове.

– Есть, и даже побольше, – не удержался от хвастовства Кузя. – Мой хозяин – глава Петербургского Управления, у него доступ ого-го!

– Я так и думал, – заметил Педру.

А Кузя мысленно отвесил себе подзатыльник: Педру поймал его в простейшую ловушку, заставив выболтать лишнюю информацию.

– Тебе надо перекусить, – продолжил ректорский див. – И тебя ждет следующий урок.

– Ага.

Из всего сказанного Кузе больше всего понравилось слово «перекусить».

Второй завтрак оказался сытнее, чем первый. Что было вполне оправданно: гонка на волнах отняла очень много сил. В этот раз Педру тоже уселся за стол и принялся так ловко управляться со столовыми приборами, что Кузя даже слегка округлил глаза.

– Ты постоянно пользуешься серебром? – спросил он, когда тарелки опустели.

– Советую и тебе завести эту привычку, – совершенно серьезно ответил Педру. – Сейчас у тебя получилось намного лучше. Неподготовленный человек не заметит твоей неловкости. Но опытный колдун точно догадается. Ты дергаешься, осторожничаешь и торопишься. Я проведу тебе еще несколько тренировок.

Кузя широко улыбнулся:

– На такие тренировки я согласен. Тем более я не буду иметь дело с опытными колдунами, мне нужно обмануть студентов.

– Студентов, говоришь? Ну-ну. Закончил? Переодевайся.

Див указал на сложенную стопкой на стуле одежду. Кузя закинул в рот последний кусок мяса, подошел и поднял за штанину черные брюки.

Кроме брюк на стуле оказались светло-серая рубашка из плотного хлопка, легкая матерчатая темная куртка, носки и ботинки без шнурков. Кузя оделся, посмотрел на себя в зеркало и остался доволен: он стал походить на молодого колдуна.

– Расстегни ворот и закатай рукава чуть ниже локтя, – велел Педру и протянул крестик на длинной серебристой цепочке и браслет из серых каменных бусин, маленьких металлических ракушек, шариков и каких-то картинок, сделанных эмалью.

– Это ведь не серебро, – Кузя сразу почувствовал, что цепочка не будет жечь.

– Это платина. Отличить от серебра может только опытный ювелир. Возьми в руку.

Кузя взял крест и удивленно вскинул брови:

– О, это же амулет блокировки силы!

– Именно. И выглядит как обычный серебряный нательный крест, такие носит большинство студентов-католиков. Как и розарий, – он указал на браслет, – его наденешь на руку, ту, на которой ошейник. Многие студенты носят розарии. Он замаскирует ошейник. Твой ворот должен быть открыт. И руки... протяни мне левую руку.

Кузя вытянул руку, и Педру, взяв со стола серебряный нож для бумаги, трижды полоснул ниже локтя, оставляя глубокие порезы.

– Ай! – воскликнул Кузя. – Это чтобы появились шрамы как у колдуна, да?

– Да. Тебе на вид шестнадцать, и для сдачи зачетов ты уже должен был совершить минимум три серьезных вызова. Следи за шрамами: серебро надолго оставляет следы, но не забывай обновлять порезы на тех же самых местах.

С этими словами Педру надел Кузе на шею крест. Розарий Кузя натянул на руку сам. И подумал, что ошейника Педру он тоже не видел.

– А где твой ошейник? – поинтересовался он.

Педру вытянул руку с тяжелым перстнем, на котором был изображен герб Академии Коимбры.

– Ого... Как получилось встроить в него герб?

– Секретная техника нашей Академии, – Педру горделиво тряхнул волосами. – Пойдем.

Они в человеческом облике вышли на улицу. Уже окончательно рассвело, двор заполнился людьми и дивами, спешащими по своим делам. Следуя за Педру, Кузя прошел через толпу. Вскоре они оказались на узкой крутой улочке и начали спускаться по мощенной диким камнем мостовой. Улочка привела к двухэтажному дому.

Увидев его, Кузя не удержался и хихикнул.

Вместо цветов или плетущихся растений, которые встречались на фасадах повсеместно, этот дом украшали веревки, связанные в причудливые узлы, разноцветные ленты и куча разнообразнейшей рухляди. Старые рыбацкие сети с поплавками, здоровенный оранжевый буй, какая-то странная, похожая на грушу, гитара без струн, сломанный велосипед и множество разноцветных кроссовок, а над самым входом свисал шнурок, на котором болтался рваный желтый ботинок.

– Нам сюда, что ли? – Кузя с интересом указал на дом.

– Сюда. Прочитай, что написано.

Кузя поднял глаза. Прямо на штукатурке фасада темной краской была нарисована огромная бутылка и немного кривовато выведена надпись: «Дворец республики “Портвейн”».

Кузя вопросительно посмотрел на Педру. Что такое портвейн, он знал: это вино, про него рассказывал Анонимус. К нему следовало подавать горячее мясо или ветчину. А республика – это такой государственный строй. Но дом, увешанный барахлом, меньше всего напоминал дворец.

– Это жилище студентов одной из студенческих республик. Всего республик в Академии двадцать четыре. Четырнадцать принадлежат колдунам, а десять – чародеям. Эта республика набирает тех, кому нравится Россия. Многие ее колдуны отправляются в вашу Академию по обмену. Большинство учит русский язык. Но не удивляйся, у них популярны идеи анархизма. И себя они считают анархистами.

– А, это мне близко, – обрадовался Кузя. – Они потренируют мое произношение и расскажут о местных порядках?

– И это тоже.

– А почему «республика»? Здесь какие-то свои законы?

– Сейчас ты все увидишь, – проговорил Педру и открыл дверь.

И сразу же, без всякой прихоружей, они оказались в просторной комнате. Почти по самому центру ее расположился ряд столов со стульями, за ними виднелась небольшая кухня, а прямо перед столами, занимая почти все оставшееся пространство, лежал громадный ковер, то ли грубо сшитый, то ли связанный из разноцветных лоскутов. На нем как попало валялись подушки разных размеров.

Четверо студентов, до этого мирно возившиеся с завтраком возле кухонных полок, одновременно обернулись, и не успел Кузя улыбнуться и поздороваться, как один из них, ловко перескочив через ряд столов, оказался прямо перед ним и выставил вперед руки с моментально возникшими в них ледяными копиями. Остальные выстроились сзади в боевом порядке. Загудели щиты. Оружия Кузя больше ни у кого не увидел, но у парня, стоящего слева от колдуна с ледяными копиями, кончики пальцев заметно искрились.

Кузя замер, всем видом демонстрируя миролюбие. А Педру нарочито медленно начал поднимать руку, которую до этого зачем-то спрятал за спиной.

Студенты не сводили с руки глаз. И Кузя заметил, что построились они так, что сбоку от них, совсем неподалеку, осталось открытое окно. Они готовы и сражаться, и бежать?

Наконец Педру поднял руку, на пальце сверкнул перстень.

Копья стоящего впереди колдуна моментально исчезли.

– Убрать щиты, –скомандовал колдун странным тонким голосом.

– Да, мадринья! – хором ответили остальные, и щиты исчезли.

И тут Кузя понял, что главная в этой группе девушка. Просто на ней была широкая бесформенная рубашка, а волосы по виду ничем не отличались от длинных лохм остальных студентов. А «мадринья» – это крестная. Крестными младшекурсники называют старших, которые отвечают за них.

Молодые колдуны выстроились в шеренгу и, наклонив головы, в унисон произнесли:

– Доброе утро, ментор!

– Доброе утро. – Педру поклонился в ответ и, взяв Кузю за плечи, выставил перед собой:

– Этот парнишка прибыл из Московской Академии. Сделайте из него человека. Срок – до шести вечера. На это время вы все освобождены от занятий без дальнейшей пересдачи.

– Будет исполнено, ментор, – ответила девушка-колдунья. И Педру, похлопав Кузю по плечу, покинул дом.

Студенты переглянулись. Один из них, самый смуглый, шагнул вперед.

– Тебя как зовут? – спросил он по-русски с довольно сильным акцентом, но вполне понятно.

– Кузьма, – ответил Кузя. Его собеседник собирался было спросить что-то еще, но тут девушка-колдунья отодвинула его плечом.

– Ментор не назвал его «студентом», – нахмурившись, сказала она.

– Да какой он студент? Зверушка, – хмыкнул другой колдун. Он сказал это по-португальски, но Кузя понял. И тут же возмутился:

– Это почему это я зверушка?

– Потому что ты чужак и не прошел праш, – пояснил тот же колдун и, повернув голову к девушке, добавил: – Ментор велел сделать из него человека.

– Резонно, – согласилась колдунья, – но проверить не помешает. Ведь его привел ментор. А значит, это может оказаться испытанием.

– Ну конечно, – зашумели остальные, – обязательно.

Темнокожий студент подошел и велел:

– Куртку снимите.

Кузя послушно стянул куртку.

– Вытяни руки.

Кузя не стал спорить: он понял, чего от него хотят. Студент осмотрел руки, одобрительно хмыкнув, а потом, достав из кармана серебряную ложку, довольно ощутимо шлепнул Кузю по руке. И тут же по второй.

– Ай! – Кузя возмущенно отдернул руки.

– А ну стой, – потребовал студент, – покажи.

Кузя выставил руки. При падающем из окна свете разглядеть пленку мыла колдун не мог, но она защитила кожу. Колдун, казалось, удовлетворился осмотром.

– Не смей убирать руки. А то так и останешься зверушкой на всю жизнь, – добавил он и оглянулся: – Следующий.

– А может, мы хотя бы капы наденем? – спросил другой студент.

– Нет, – остановила его девушка, – сначала проверка.

Она взяла ложку и довольно сильно ударила Кузю по рукам. И то же самое проделали двое остальных. В местах ударов кисти начали немного краснеть, но это как раз было очень кстати – выглядело как следы от ударов.

– Нормально, – кивнул хозяин ложки, убирая ее в карман, а девушка подошла к одной из многочисленных полок и достала оттуда плоскую коробочку, похожую на портсигар. Увидев деления и стрелку, Кузя сразу понял, что это колдовской прибор, определяющий уровень. Бояться было нечего – амулет блокировки отлично защищал его. Прибор ожидаемо не показал ничего.

«Серьезная проверка», – забеспокоился Кузя. Что еще придумают эти колдуны? Скорее всего, это и есть его главное испытание – обмануть придирчивых и явно подготовленных к явлению дива, выдающего себя за человека, студентов.

– Ладно, хватит усложнять, – пожал плечами хозяин ложки. – Теперь ты просто ответишь на вопрос: ты бештафера?

Кузя замер на миг. Но тут же понял, что парень, сам того не подозревая, подарил ему отличную лазейку. Он сказал «бештафера», что по-португальски означало «свирепый зверь», так тут называли дивов.

«Это ваш Педру – бештафера, – старательно подумал он, – а я див», а вслух сказал:

– Не-а... – и быстро добавил, чтобы не сбиться: – Я студент Московской Академии. Но если до этого вашего «праша» я не считаюсь человеком, то побуду пока зверушкой.

Это была правда. Проректор Меньшов на его глазах подписал накануне вечером приказ о зачислении на пятый курс студента Диниша Оливейра. Это имя придумал себе Кузя в честь португальского короля, основавшего Академию, и именно так назвал его Гермес Аркадьевич. Теперь у Кузи появилось еще одно имя. Правда, до праша новичок в Коимбре все равно считался «зверушкой».

– Хм... – подозрительность девушки, которая всем заправляла, заметно уменьшилась, и Кузя, чтобы закрепить результат, добавил, изобразив на лице легкую гримасу: – Я не знаю, что вы еще собираетесь со мной делать, – но делайте это быстрее. Я ужасно устал: этот ваш ментор Педру с самого утра заставил меня скакать на доске по здоровенным волнам. Я чуть не утоп.

Лица молодых колдунов изменились, на них проступило сочувствие, а один даже застыл, хлопнув себя по лбу:

– Ненавижу это, я еще с прошлого семестра зачет не сдал...

– Бедная зверушка, – добавил смуглый. – Нас всех заставляют это делать. Даже новичков с самого первого курса. Ментор сам принимает зачеты. И поверь, сдать их очень сложно. Меня, кстати, зовут Хосе.

– А я Фернанду, – протянул руку второй парень, и Кузя пожал ее, надеясь, что мыло не липкое.

– Серхио, – представился третий студент, а девушка, коротко кивнув, сказала:

– Ана.

И вдруг, выпучив глаза, указала рукой на кухню:

– Кофе!

Хосе совершил гигантский прыжок, снова перескакивая через столы, и метнулся к плите, на которой стояла огромная турка. Над ней уже начала подниматься шапка пены. Выхватив из кармана все ту же серебряную ложку, парень принялся спасать напиток.

– Хочешь кофе? – спросила Ана. Настороженность окончательно исчезла с ее лица, и девушка даже улыбнулась. – Мы можем не торопиться, раз на лекции сегодня не нужно. И тебе тоже дать передохнуть, перед тем как начнем праш.

– Это же что-то вроде посвящения, да? – похвастался осведомленностью Кузя.

– Это больше чем посвящение. Это крещение. Мы не сможем тебя сразу посвятить в старшекурсники. Если ты останешься тут учиться – сделаем это через полгода. Но человеком ты станешь сегодня, это я обещаю, – она криво усмехнулась. – Пойду порежу хлеб.

– Помочь? – спросил Кузя.

– Да. нарежь сыр и раскидай варенье по вазочкам. Потом можешь яйца почистить.

Кузе выдали нож, и он вместе со всеми принялся за приготовление завтрака, прерванного их с Педру внезапным визитом.

– Кстати, что это вы сделали, когда мы вошли? – поинтересовался он. – Как будто собрались защищаться от собственного ментора. Вы что же, его в лицо не узнаете? – Кузя хмыкнул.

– Еще как узнаем, – мрачно заверил Хосе и зачем-то насыпал в кофе не только сахар, но и треть ложки соли. – Это проверка нашей готовности. Вообще-то ментор должен сразу показывать свое кольцо, но он всегда медлит, чтобы убедиться... «Откуда вам знать, что я не сожрал дона Криштиану и не зашел закусить студентами?» – так он говорит.

– Но если он окажется демоном, разве даже все студенты республики разом смогут противостоят ему? – спросил Кузя, достал с полки банку с вареньем и поставил на стол.

– Ну, по правилам, мы должны принять боевое построение, призвать оружие и поднять щиты, – пояснила Ана. – А кто-то должен постараться успеть сбежать в дверь или выпрыгнуть в окно и предупредить остальных, для этого есть специальный колокол. И ментор строго следит за соблюдением этих правил. Говорит, что когда-нибудь это спасет нашу жизнь.

– Но все знают, что он просто развлекается, заставляя нас скакать как мартышек, – наябедничал Хосе. – А если мы не покажем боевую готовность, то нам снизят на два балла итоговую оценку за семестр.

– Хм... сурово тут у вас... – одобрил Кузя.

Третий завтрак тоже весьма ему понравился. Никаких изысков и даже мяса не было: черный кофе, от крепости которого натурально глаза лезли на лоб, хлеб с сыром, вареные яйца и варенье. Однако продуктов было много, они были сытными, и Кузя почувствовал себя отдохнувшим. Но ухо следовало держать остро, ведь ему еще предстоял таинственный «праш».

Когда завтрак закончился, студенты сбегали наверх и вышли в гостиную в костюмах и длинных черных мантиях-капах. Кроме того, Ана держала в руке палку, к которой был приделан ночной горшок с рогами, скрещенными ложками и ножницами. Из горшка торчало горлышко бутылки. Не видно было, как она там крепится, но при движении она болталась и гремела.

– Ну что, начинаем, – скомандовала Ана и указала на стену, где висело несколько портретов. Кузя мельком взглянул на них. И внезапно почувствовал, как что-то заныло в груди. Его взгляд остановился на лице, почему-то показавшемся знакомым. Замерев, он не мог оторвать от портрета глаз.

– Ты знаешь, кто это? – спросила Ана, заметив его интерес.

– Это Николай Дивногорский, – машинально ответил Кузя и внутренне похолодел. Он не помнил, откуда знает этого человека. Но отлично помнил, что назвался Дивногорским, когда его арестовали вместе с дивопоклонниками. Выходит, он не просто где-то случайно слышал это имя... Но если он не помнит, значит...

Значит, он знал этого человека до Пустоши. Кто же такой этот Дивногорский?

– О-о, – радостно зашумели студенты. А Хосе хлопнул его по плечу:

– Да ты разбираешься.

– Ну да, – усмехнулась Ана, – он же русский.

– Не все русские знают своих величайших анархистов, – Хосе поднял палец, – я же учился в Московской Академии. На уроках истории там все как и у нас: в основном изучают королей и великих колдунов. А вот скажи, ты много читал про сеньора Дивногорского? Он правда со своим бештаферой сжег тридцать полицейских участков? А потом устроил пожар в тюрьме, а бештафере велел себя сожрать и продолжать его дело?

«Бей урядников и станowych приставов!»

Кузя судорожно сглотнул, но постарался улыбнуться как можно беспечнее:

– Ну нет, в Петербурге столько участков не наберется. А сожрать... наверное, он же анархист, могло такое в голову прийти. Я и сам анархист, поэтому знаю. – Он рассмеялся. И тут же добавил, чтобы избежать дальнейших расспросов: – Так что там дальше? Будете опять колотить меня ложкой?

– Нет, – покачала головой Ана, – теперь будет испытание. Мы дадим тебе задание. Поклянись или выполнить его, или остаться зверушкой навсегда.

– Клянусь выполнить ваше задание, – отрапортовал Кузя, от души надеясь, что ему не поручат чего-то совершенно невыполнимого для дива.

– Тогда выходим.

Они покинули дом, но далеко не ушли. Прямо за углом остановились, и Ана указала вверх:

– Смотри. Видишь – пожарная лестница. Забирайся по ней и отправляйся по крышам к монастырю Санта-Круш. Там, за ним, фонтан, такой... с башенками. Знаешь его?

Фонтан Кузя видел, когда летел, поэтому кивнул.

– Вот возле него и встретимся. На землю спускаться нельзя, иди по крышам, слезешь только на площади у фонтана, понял?

– Ага. – Кузя задрал голову и посмотрел на ряд довольно плотно стоящих домиков. Задание совсем не выглядело тяжелым.

Глава 2

Педру зашел в кабинет и, не успев еще закрыться дверь за его спиной, опустился на одно колено, склонив голову. Постоял так несколько секунд, а потом изящным движением поднялся и шагнул к ректорскому столу.

Он единственный из менторов обладал привилегией подниматься на ноги, не дожидаясь высочайшего разрешения, а в прежние времена вообще был единственным подданным, которому это позволялось. Эта привилегия не была дарована просто так, как, впрочем, и все остальные, которыми обладал Педру. Почти четыреста лет назад он спас своего короля, внезапно поднявшись без приказа и атаковав вражеского бештаферу, подосланного убить повелителя. Тот был немного слабее, но уверен, что Педру не посмеет нарушить приказ и сделать то, что было запрещено даже людям, на чем потеряет драгоценное время.

Его величество даже не успел удивленно прикрикнуть на внезапно вышедшего из-под контроля слугу, как к его ногам легла быстро начавшая рассыпаться голова несостоявшегося убийцы.

Педру не был фамильяром, а его уровень позволял трактовать приказы и приоритеты, в том числе немного замешкаться. Он мог позволить повелителю погибнуть, а сам бы сбежал и обрел свободу, но Педру поступил по-иному. И за этот выбор ему была дарована привилегия вставать из коленопреклоненной позы тогда, когда он сам посчитает нужным.

Педру считал правильным выказывать свое почтение повелителю от пяти до двадцати секунд, в зависимости от срочности доклада. И дон Криштиану, великолепно знавший своего бештаферу, сразу же спросил:

– Что произошло?

– Во вверенной моим заботам Академии все спокойно, повелитель. Но из Московской Академии гонец вчера вечером доставил печальные вести.

– Жаль... – произнес дон Криштиану и склонил голову в знак траура. Он без всяких объяснений понимал, какие вести может принести гонец.

Почтив память ректора дружественной Академии молчанием, дон Криштиану взял со стола колокольчик и позвонил в него дважды. А потом повернулся к Педру:

– Я смогу принять гонца через час. Свиток у него?

– Нет, я оставил свиток в своем кабинете. Если вы желаете срочно его увидеть – я прикажу секретарю принести. К свитку посланника не может прикоснуться другой бештафера, – на всякий случай напомнил он. Дон Криштиану был довольно молод, и на его веку такие новости еще не приходили.

Педру всегда служил королям. В старые времена монарх также являлся ректором Академии, и его преемник наследовал должность. Когда монархия была упразднена и последний король отрекся от престола, должность ректора осталась за ним. И сейчас Академией правили прямые потомки королей.

Но и в тех странах, где ректора избирали, он обладал почти всей полнотой власти над Академией. И что теперь ожидает Московскую Академию, можно было только гадать.

– Нет, не нужно. Я подожду. Но... Преемником ректора Светлова... станет твой друг проректор Меньшов?

– У таких, как я, не может быть друзей, повелитель, я лишь верный слуга, – Педру склонил голову, – но вы правы, я считаю, что должность займет проректор Меньшов. Я расспросил посланника и узнал, что проректор не жалуется на здоровье, так что не вижу препятствий... – Он многозначительно замолчал.

Во время этой паузы раздался стук в дверь. Педру открыл, принял из рук секретарши поднос с кофе и паштел-де-ната и поставил на стол перед повелителем.

Дон Криштиану поднял на него взгляд и прищурился:

– Педру. Тебя что-то тревожит, я это чувствую. Говори прямо.

– В этой истории много странностей, – ответил бештафера, – и начать следует с того, что свиток принес не обычный посланник, а полицейский див.

– О? – удивленно воскликнул дон Криштиану. – Интересно. Рассказывай дальше, я весь внимание.

– И это не простой полицейский див. Это фамилляр небезызвестного нам графа Аверина, который совсем недавно занял должность Главы Управления Санкт-Петербурга.

Дон Криштиану отставил кофе:

– Тот самый граф Аверин, что чудесным образом якобы отправил в Пустошь взбунтовавшегося фамилляра русских императоров, которому не было равных по силе?

Педру растянул губы в легкой улыбке:

– Именно, мой повелитель. Я вижу, и у вас это вызывает сомнения?

– Конечно. Не ты ли рассказывал мне, что во время Вторжения ощутил дива, по мощи не уступающего Демону Шестого неба? А через несколько минут страшный прорыв, потребовавший объединения сил нескольких Академий, окончился столь же чудесным образом, каким произошла в России внезапная смена власти. Так что вопрос о местонахождении Русского Чудовища предлагаю пока считать открытым. А ну-ка, расскажи мне, что ты знаешь об этом колдуне? У тебя ведь есть шпионы в самых верхах?

– Можете не сомневаться. Шпион есть даже в Московской Академии. Но, похоже, его раскрыли, потому что информации я от него до сих пор не получил. А граф Аверин, вне всяких сомнений, доверенное лицо нынешней императрицы. Именно к нему перешел на службу бывший временный Императорский див.

– А теперь к нам с вестью о смерти ректора Светлова прилетел его личный фамилляр... вот это воистину интересно, согласен.

– Это еще не все, – продолжил Педру. – Бештафера по имени Кузьма прилетел с личной просьбой проректора Меньшова. И проректор просит ни много ни мало, а подготовить этого Кузьму к работе под прикрытием. Причем в Академии, где он будет выдавать себя за студента из Коимбры.

– Ого... И что же твой... приятель затеял?

– Пока не имею понятия. – Педру решил слово «приятель» никак не комментировать. Он безмерно уважал проректора Меньшова и питал к нему самые теплые чувства, но никогда не позволял себе забывать, с кем имеет дело. Оттого что этот человек стал профессором Академии, он не перестал быть одним из самых хитрых и умелых разведчиков, что доводилось встречать Педру. И вряд ли с возрастом его поистине змеиная хитрость и острый ум куда-то исчезли.

– Я решил выполнить его просьбу, – доложил он. – Проректор Меньшов пообещал, что не останется в долгу. А он слово держит. Учитывая нынешние обстоятельства, нам совершенно не лишне иметь нового ректора Московской Академии в должниках.

– Да, ты правильно решил, – одобрил дон Криштиану. – А ты сам обращался к проректору Меньшову или поверил посланнику?

– Все сложнее, повелитель. – Педру подошел ближе к столу и даже нагнулся, чтобы подчеркнуть конфиденциальность: – Заперев посланника в камере, я решил кое-что уточнить и позвонил из вашего кабинета по защищенной линии. Приношу извинения за то, что вошел сюда без разрешения. Звонок должен был раздаваться в кабинете ректора и в его доме. И трубку должна была снять Инеш. Я планировал принести ей соболезнования, вы же знаете, как тяжело мы переносим смерть тех, кому служим.

Дон Криштиану слегка побледнел и быстрым движением поднес к губам кофе. Пальцы его на миг дрогнули от неприятных воспоминаний. Что же, Педру понимал и был согласен, что

немного перегнул палку, когда скорбел по его отцу, но сейчас об этом не стоило вспоминать. Поэтому он продолжил:

– На мой звонок никто не ответил. Это меня не слишком удивило: Инеш было не до того вчерашним вечером. Но... я перезвонил сегодня утром. И вы удивитесь, узнав, кто снял трубку.

– И кто же? – дон Криштиану отставил чашку, и на его лице появилось выражение крайней заинтересованности.

– Диана. Бештафера проректора Меньшова. Надеюсь, вы понимаете, что она никогда бы не осмелилась подойти к ректорскому телефону и ответить на звонок, если бы...

– ...Инеш имела хоть какую возможность это сделать сама? – дон Криштиану даже подался вперед.

– Да. Значит, по какой-то причине Инеш не может этого сделать. Возможно, ее нет в Академии. Или больше нет в этом мире.

– О-о, даже так? – дон Криштиану нахмурился. – Ты хочешь сказать, что в России или грядет, или случился еще один интересный переворот?

– Я пока не могу сказать точно. Я поручил посланника республике «Портвейн». Заодно испытаю наших отличников. А после того как они закончат с прашем, приведу посланника к вам. А им выдам дальнейшие инструкции, что именно нужно у него разузнать.

– Отличный план, Педру, – кивнул дон Криштиану. – А мне, пожалуй, подготовь список вопросов, которые я должен буду задать, чтобы уточнить детали. Все это становится невероятно интересным.

Испытание оказалось не таким легким, как вначале подумал Кузя. Возможно, это была очередная проверка, а может, этот путь специально был выбран, чтобы новичок мог продемонстрировать свою силу и ловкость. Но силу и ловкость человека, колдуна, а не дива. Да, для Кузи ни одно из препятствий не было сколько-нибудь значимым, но... надо ведь пройти путь так, как это сделал бы человек.

Вот тут, например, крыши заканчиваются – и снова начинаются уже через улицу, да, довольно узкую, но сможет ли перепрыгнуть человек? А если на пределе возможностей? А студент?

Кузя мучительно пытался использовать все, что он читал, видел и слышал о человеческих возможностях. Вот тут Гермес Аркадьевич бы точно перепрыгнул, ухватившись за балку, но в состоянии ли это сделать мальчишка?

Ошибиться было нельзя. Молодые колдуны отлично знают этот путь, и, если окажется, что он преодолел препятствие, которое не под силу человеку, – он раскрыт.

В конце концов Кузя решил пойти по пути наименьшего сопротивления. Лучше пусть они считают его неловким медлительным новичком. Поэтому старательно обходил опасные места, несмотря на то что приходилось делать большой крюк, а один раз даже стянул с балкона веревку для сушки белья, мысленно пообещав обязательно потом ее вернуть. Эта веревка помогла ему пройти несколько очень спорных мест и послужит доказательством его смекалки, а не сверхспособностей.

Наконец он достиг места встречи. Взобравшись на крышу последнего здания, он посмотрел вниз.

И увидел у фонтана четверых своих экзаменаторов. Они сидели прямо на бортике, прислонив свою палку с горшком и рогами к стене ближайшего дома.

Кузя огляделся. С этой стороны никаких низких зданий не было. Более того – довольно крутой склон крыши увеличивал высоту дома, на котором он стоял, этажа на два. Да уж, задачка. Кузя уже было решил поискать другой путь на площадь, но тут один из студентов поднял голову и, увидев его, приветственно помахал рукой.

Так. Отступать поздно. Что же делать?

Просто спрыгнуть не получится: они все смотрят на него и увидят, что никакой щит, чтобы смягчить падение, он не использовал. Да и не помог щит тому же Матвею – он сломал руку при прыжке и сильно ударился головой. Нет, нужно найти другое решение.

Кузя осмотрел крышу еще раз. Вот этот металлический бортик выглядит довольно крепким, к нему вполне можно привязать веревку. Но она не достанет до земли.

Он перегнулся через бортик и посмотрел вниз. Отлично! Внизу, через один этаж от него, оказалось настезь открыто окно. До него веревка как раз дотянется.

Кузя привязал веревку, завязал другой конец вокруг пояса узлом, который можно легко распустить, и, взявшись за бортик руками, спрыгнул на карниз верхнего этажа. И осторожно, как человек, боящийся потерять равновесие, двинулся к нужному окну. Над ним как раз расположился очень удобный «фальшивый балкон» – низенькая литая решетка, почти полностью прижатая к стеклу и прикрывающая его на треть. Кузя ухватился за решетку, оттолкнулся ногами и, повиснув на веревке, влетел прямо в открытое окно. Дернул за узел и упал на четвереньки на пол.

И тут же услышал восторженные крики и свист.

Он поднял голову. И понял, что находится в небольшой аудитории. У доски, исчерченной мелом, он увидел седого полноватого мужчину. А вокруг сидели за столами студенты, лет по тринадцать-четырнадцать, и именно они приветствовали свалившегося в окно неожиданного гостя криками, аплодисментами и свистом.

Профессор, а это явно был именно он, на шум медленно повернулся, и лицо его начало багроветь.

Кузя постарался улыбнуться как можно более невинно и располагающе, но понял, что это бесполезно.

Поэтому он поднялся, отряхнул колени и, быстро пробормотав по-португальски «извините», пулей выскочил из класса.

И помчался по лестнице вниз, от души надеясь, что на вахте не сидит див.

На вахте, к счастью, вообще никого не оказалось, поэтому Кузя беспрепятственно покинул здание и побежал к фонтану, уже по земле. Вслед ему из открытого окна неслись возмущенные крики и обещания немедленно сообщить о происшествии ментору Педру.

Зато Ана и остальные встретили его одобрительными возгласами, а Хосе похлопал по плечу.

– Молодец, – сказал он, – мне кажется, это был отличный финал, можно дальше зверушку не испытывать.

Ана согласно кивнула, усмехнувшись:

– Да, профессора Сильву он точно впечатлил. Давай, полезай в фонтан! – велела она Кузе. – Будем тебя крестить.

Кузя покосился на воду. Что же, после утреннего приключения это были мелочи, хотя ходить в мокрой одежде потом будет не слишком приятно.

– Тебя что-то смущает? – заметила его колебания Ана.

– А, нет... тут тепло, но не очень жарко... ну ладно, потерплю, раз надо.

– Надо, обязательно надо! – студент по имени Серхио подтолкнул его в спину. Кузя зашел в фонтан и послушно встал под струю. Его система была замкнутой, поэтому вода особенных проблем не доставляла. Тут же с криками в фонтан заскочили Хосе и Серхио и, схватив Кузю за воротник, уронили его в воду и принялись со смехом окунать с головой. Кузя только фыркал и отплевывался.

– Все, достаточно, – велела Ана, и его отпустили.

– Выходи.

Кузя выбрался и посмотрел на лужу, натекающую с него на брусчатку. У остальных мокрыми были только низ штанов и забрызганы рубашки.

А Ана тем временем сняла со своей шеи розарий и протянула ему:

– А теперь бери крест и целуй.

Кузя замер. Крест оказался довольно большим и, естественно, серебряным. А руки Кузи в фонтане полностью отмылись от защищающего их слоя мыла.

Но колебаться было нельзя. Он осторожно взял розарий, стараясь касаться только бусин, и, поднеся крест к губам максимально близко, сделал вид, что целует его.

Ана шагнула вперед и схватила его за руку.

– Нормально целуй! – она с силой прижала крест к его губам и отпустила. И тут же отскочила в сторону, выбрасывая вперед свои ледяные копы.

– Бештафера! – выкрикнула она.

Остальные колдуны немедленно встали в уже знакомое боевое построение.

Кузя опустил голову. И вспомнил, что сделал Педру, когда его таким же образом поприветствовали студенты. Стянув с ошейника розарий, он выставил руку перед собой.

– Вот, смотрите: я не демон. И никого не собираюсь есть!

– Отлично. – Ана убрала оружие и улыбнулась победной улыбкой: – Ну что, мы сдали этот зачет, да?

Остальные принялись хлопать ее по плечам:

– Молодец.

– Ловко ты его...

И только Кузе было совсем не радостно. Все старания пошли коту под хвост. А этот Педру, выходит, устроил проверку не только ему, но и своим студентам.

– Вы, наверное, да, – уныло проговорил он, потирая обожженные губы, – а вот я, похоже, нет...

Хосе глянул на него исподлобья:

– Ты? Так, а кто ты такой? Понятно, что русский. Но явно не ментор и не из obsługi, я бы тебя знал.

Кузя вздохнул немного нарочито. Эти ребята оказались невероятно внимательны. Неужели все юные колдуны такие? Тогда диву среди них придется нелегко. Не слишком ли прометчиво он вызвался выполнять настолько ответственное задание?

Да, с этими юными колдунами притворяться смысла нет.

– Я... – начал он, попутно раздумывая, как не солгать и не выдать лишнего. – Ваш ментор Педру взялся подготовить меня к внедрению в российскую Академию, под видом студента. Я прохожу испытания. И что-то плохо у меня выходит. И по той здоровенной волне я скатился только с помощью ментора, а вы меня раскололи, не успев провести этот самый обряд «праша». А ведь без него я не имею право называть себя студентом вашей Академии, ведь так?

– Так, – подтвердила Ана. – Ты выглядишь старше меня. Никто не поверит, что ты еще не прошел праш.

– Погоди, – вперед шагнул до этого времени молчавший студент по имени Фернанду, – ты говоришь, что скатился с волны, пусть и с помощью ментора? То есть серьезно? Ты с нее скатился? Сам? А большая была волна?

– Ваш Педру сказал, что восемь метров. А так – ну да, скатился. Я же не могу вам соврать, – он усмехнулся.

– Ну да, конечно... соврал же как-то, – покачал головой Хосе. – Но как? Я же тебя в лоб спросил!

– Да уж... – заметила Ана. – Зря он на себя наговаривает, хороший из него агент. Врет в глаза колдунам, не боится океана. Мы раскололи очень крепкий орешек, ребята.

– Верно... – согласились студенты, а Кузя хмыкнул:

– Прямо уж не боюсь... Да я чуть от страха не помер в этом вашем океане.

Ана зыркнула на него и снова заговорила с товарищами:

– Ментор сказал, что мы должны сделать из него человека. Он всегда выражается предельно ясно.

– Да, – согласился Хосе, – крещение надо завершить. Но пусть сначала расскажет про свою хитрость. Слушай, бештафера, как ты это сделал?

– А-а, – Кузя довольно улыбнулся, – это просто. Ты сказал «бештафера», по-вашему. Это на русский переводится «ужасный» или «свирепый зверь». А по-нашему я «див», ну или «черт». Поэтому я перевел с португальского на русский, а потом обратно и сказал, что «остаюсь зверушкой», то есть не соврал.

Кузе не очень хотелось раскрывать свой секрет, но он уже добился некоторого расположения этих студентов, и стоило довести дело до конца.

Хосе ткнул Серхио локтем:

– Нет, ты это слышал? Вот еще скажи мне потом, что ментор Педру преувеличивает, рассказывая, как умны и хитры бештаферы.

– Ну еще бы, – хмыкнула Ана, – ему-то виднее. Однако надо закончить с крещением, раз обещали. Иди сюда, бештафера.

Кузя подошел ближе.

– Ты зря беспокоишься. Мы тебя раскусили, потому что привыкли к таким проверкам. Ментор Педру, как ты, должно быть, знаешь, виртуозно умеет выдавать себя за человека. И учит нас, как не попадаться на хитрости бештафер. Насколько я знаю, у русских этого не практикуют.

Кузя неопределенно пожал плечами. О нравах Московской Академии он не знал почти ничего. Поэтому просто сказал:

– Хорошо бы. Но я тоже запомнил... кое-что.

– Главное, ты запомни, – проговорил Хосе, – если ментор Педру взялся тебя чему-то учить, то или научит, или угробит. Третьего не дано. Так что волноваться тебе не о чем.

Все расхохотались, и Кузя тоже хихикнул. И тут же получил по голове горшком, насаженным на посох. Раздался громкий звяк.

– Так, студент, – сделал серьезное лицо, заявила Ана и снова замахнулась для удара, – назови свое имя!

– Диниш Оливейра! – выпалил Кузя, быстро сообразив, что происходит. А Ана передала посох Хосе.

– Клянешься ли ты, студент Диниш Оливейра, не склоняться перед сильными и заступаться за слабых?

– Ага, то есть клянусь! – против такой клятвы Кузя точно не возражал. И тут же получил новый звонкий удар по голове горшком.

Посох взял Серхио.

– А теперь пой гимн. Знаешь слова?

Слова Кузя знал. Поэтому запел, точнее, начал проговаривать текст вслух, надеясь, что это подойдет. А едва закончив второй куплет, ощутил приближающуюся волну силы. Стараясь не сбиваться, он допел, снова получил по голове и повернулся туда, где буквально через секунду появился ректорский див. На этот раз рук он не прятал.

– Я вижу, вы закончили, – проговорил он.

– Да, ментор Педру, мы его раскрыли, – доложила Ана.

– Это хорошо. Быстро?

– Нет. Только что. Сперва мы поверили, но перед фонтаном он на мгновение заколебался, и я вспомнила про мыло. И оказалась права. На поцелуе креста он прокололся. Хотя пытался

сделать вид, что целует. Посвящение мы провели. Остался еще праздничный обед. Но я не знаю, есть ли у студента Диниша деньги.

– Можете готовиться, я выделю необходимую сумму. И верну его вам через сорок минут. Сейчас он нужен мне. За мной, – велел Педру Кузе, но пошел медленно, с человеческой скоростью. Видимо, не хотел никому из случайных свидетелей раскрывать сущность Кузи.

– Куда мы идем? – спросил Кузя, когда фонтан скрылся из виду.

– Тебе оказана высочайшая честь, – проговорил Педру, – ты предстанешь перед его величеством.

Кузя, разумеется, знал, что еще в начале века король Мануэль отрекся от престола, передав полноту власти парламенту, а за собой и потомками оставил лишь должность ректора Академии. Это было вполне оправданно: совмещать королевскую власть с управлением Академией было непросто. К тому же в то время академии окончательно перестали вмешиваться в политику государств.

Однако Педру не просто называл своего хозяина «мой король», но и оказывал ему воистину королевские почести. И это немного забавляло Кузю.

Для начала ментор Коимбры переделал Кузю в пышное и, судя по количеству шелка и бархата, безусловно придворное одеяние. Костюм оказался полностью черного цвета, только на груди справа красовалась серебристая брошь в виде вензеля Московской Академии. Похоже, это был специальный траурный костюм для посланника, принесшего весть о смерти ректора. Оглядев Кузю со всех сторон, Педру остался доволен. Еще бесконечные двадцать минут ушло на репетицию поклонов и приветственных слов. И только потом ментор разрешил Кузе взять свиток и повел в приемный зал.

Зал действительно выглядел по-королевски. Кузя бывал во дворцах, и в них тоже имелись роскошные приемные, но зал Коимбры впечатлял. Здесь не было ни позолоты, ни лепнины, наоборот, высокие своды выглядели строго и даже мрачновато, но... было в этих высоких потолках, украшенных резным потемневшим камнем, что-то древнее и грандиозное. И сидевший в высоком, напоминающем королевский трон кресле человек в черной с серебряной окантовкой мантии, струящейся красивыми складками по его ногам, действительно выглядел как король.

Кузя следом за Педру опустился перед троном на одно колено и, глядя в пол, протянул свиток.

Дон Криштиану взял его и развернул. Некоторое время он молча вчитывался в текст, а потом произнес с совершенно искренней печалью в голосе:

– Это огромная трагедия для всех нас. Да, никто не вечен под этим небом, но ректор Светлов... казался незыблемой скалой. Я даже не помню времен, когда ректором Московской Академии был кто-то другой.

Кузя мельком посмотрел на дону Криштиану. Неудивительно – тот был весьма молод. А ректор Светлов наверняка видел даже отрекшегося португальского короля. Кузя пожалел, что не застал ректора в живых: все только и говорили о том, каким он был великим человеком. Впрочем, чтобы держать Инессу в узде, такой и нужен. Интересно, этот дон Криштиану так же силен? Педру Инессе ничуть не уступает.

Хотя, если вдуматься... от Педру почти совсем не ощущается опасности, скорее наоборот. В его обществе комфортно и как-то спокойно. Очень странно для дива. Кузя решил, что подумает об этом позже. Сейчас надо сосредоточиться. Колдун дон Криштиану может начать задавать вопросы.

И конечно же, вопрос не заставил себя ждать.

– Для вашей Академии смерть ректора Светлова, должно быть, большой удар, хоть и ожидаемый. Но я бы хотел знать: как перенесла его наша Инеш? Когда мой отец покинул нас, –

дон Криштиану скорбно воздел глаза, – бедняга Педру так переживал, что едва не свел счеты с жизнью. А ведь Инеш провела бок о бок с ректором Светловым гораздо более долгий срок. Как она?

Кузя задумался на миг. В этом вопросе крылся подвох. И поэтому див ответил максимально осторожно:

– Московская Академия благодарит вас за беспокойство и заботу, тетушка Инесса наверняка очень расстроена, но слишком занята текущими делами Академии, чтобы проявлять свое расстройство.

Он снова на миг поднял глаза и увидел, что колдун отложил свиток.

– Да, я понимаю. Видишь ли, мой Педру был очень привязан к Инеш и, узнав, что произошло, сразу позвонил ей. Однако ни в кабинете ректора, ни в его доме ее не оказалось. Он с трудом дождался утра, ведь его беспокойство только росло, и снова позвонил. И тогда ему ответила ментор Диана. Я хотел бы услышать более подробный ответ и убедиться в том, что наша Инеш в порядке.

А вот и ловушка. В Коимбре точно что-то подозревают. И думать времени нет. Может быть, король-колдун и не заметит заминки, но от дива, что склонился в поклоне справа от Кузи, скрыть, что он затрудняется с ответом, не получится.

И тут Кузю осенило.

– Конечно, она не может ответить, ваше величество! – именно так велел обращаться к ректору Педру. – Она защищает Хранилище. И будет делать это до тех пор, пока в должность не вступит новый ректор.

Кузя даже загордился, как ловко он вывернулся. Теперь на любой уточняющий вопрос он честно сможет сказать, что не вправе разглашать информацию, касающуюся этой темы. Ведь Хранилище – главная тайна любой Академии.

– Что же, это вполне понятно, – голос колдуна смягчился. – Я рад, что такое ответственное дело помогает ей перенести потерю. Педру, – обратился он к своему диву, – подготовь подарки. Секретариат заканчивает оформление ответного письма. Вы оба можете идти.

Колдун едва заметно шевельнул пальцами.

Тотчас же Педру поднялся, сделал знак Кузе следовать за ним и, пятясь, направился к двери. А на выходе вновь отвесил глубокий поклон.

– Ты... всегда такходишь и выходишь? – усмехнулся Кузя, когда они оказались в коридоре. Педру смерил его взглядом мгновенно потемневших глаз:

– Твой хозяин – простой граф, и к нему ты можешь входить как захочешь, хоть боком и вообще без поклона. Но если я от тебя еще раз услышу, что из-за какой-то паршивой бумажки, подписанной в тысяча девятьсот десятом году, мой повелитель перестал быть королевской особой...

Кулаки Педру сжались, и от него полыхнуло такой яростью, что Кузя аж голову в плечи втянул.

– Ты что?! – начал уверять он. – В России вообще монархия. А я лично участвовал в коронации нашей тетечки императри... то есть ее величества.

Ректорский див успокоился.

– Вот именно. Все эти бумаги – формальность, фикция. Кровь и сила колдуна – вот что на самом деле имеет настоящую ценность. И даже если во всей Европе, да хоть и во всем мире забудут о чистоте королевской крови, здесь, в этих стенах, навсегда сохранится истинное положение вещей. Я позабочусь об этом.

Голос дива не изменился, не стал громче, но Кузе показалось, что он зазвучал одновременно со всех сторон.

Как тогда, когда говорил Императорский див. Кузя даже испытал некоторую зависть. Как же заполучить такую мощь?

Они вернулись в кабинет Педру.

– Слушай, – спросил Кузя, – а ты правда волнуешься за Инессу? Неужели вы были близки?

Он задумался, способны ли древние дивы на настоящую дружбу.

– О... еще как, – Педру поднял взгляд к потолку, – шесть раз я бросал ей вызов. И шесть раз она размазывала меня по прибрежным скалам так, что каждый наш бой я считал последним. Но не было случая, чтобы она посмеялась надо мной или отказала в поединке. Я тоскую по нашим битвам.

– А... – история с дружбой оказалась слишком романтической. – А почему ее подарили? Она ведь очень сильная. И почему не тебя?

– Тогда, чуть больше четырехсот лет назад, отгремела последняя война, в которой на стороне своих государств воевали Академии. Наша Академия сошлась в бою с Болонской. Их бештаферы были сильнее, особенно один, тот, что принадлежал ректору. Именно ему и был присвоен одиннадцатый уровень, сильнее его считался лишь Демон Шестого неба. Мне, кстати, довелось видеть его.

– Кого? – уточнил Кузя.

– Демона Шестого неба. Португальцы ведь первыми высадились в Японии. Этот Демон... он чудовище даже по меркам бештафер... – задумчиво сказал Педру и продолжил: – Так вот, я сразился с Римлянином из Болоньи. К сожалению, бой был недолгим, я чудом остался жив. И только благодаря тому, что к сражению присоединился московский бештафера и заплатил за это своей жизнью. Однако и наш враг был повержен. Вдвоем с Инеш мы поглотили его, значительно увеличив свою силу. В благодарность за спасение страны и Академии, а также потому, что король Себастьяу погиб и владеть дивой стало некому, совет губернаторов подарил Инеш государю Московскому и всея Руси. Она была самой сильной из нас, и это возместило потерю их могущественного дива.

– А, я понял, – сказал Кузя. О том, что он видел «Демона Шестого неба» всего три месяца назад, он предпочел умолчать.

– Но все не так плохо, – Педру внезапно улыбнулся совершенно счастливой улыбкой, – сейчас у меня есть противник не хуже. И его не победить. Никогда. Можно сражаться с ним вечно.

– И кто же это? – прищурился Кузя. Хотя уже догадывался, что станет ответом.

– Океан, – ответил Педру и подошел к столу.

Глава 3

Студенты ждали Кузю в конце площади. Их стало пятеро: на парапете, свесив ноги, сидел худой загорелый парнишка с длинными волосами, собранными в хвост. Когда Кузя подошел, он обернулся и, широко улыбнувшись, спрыгнул на светлые камни мостовой.

– Я – Афонсу, – проговорил он, протягивая узкую ладонь с длинными пальцами. Кузя пожал ее и ощутил странную симпатию к мальчику. Он был младше остальных, лет тринадцать-четырнадцать на вид, и внешне удивительно походил на Педру. Если бы, конечно, грозный див был обычным человеческим мальчишкой.

– Я знаю, что ты бештафера, – тихо проговорил Афонсу и заговорщицки подмигнул.

– Эх... – расстроено протянул Кузя, – все теперь знают.

– Нет, не все. Остальным не рассказали. Я просто видел твоё крещение. И боевое построение, после того как ты не смог поцеловать крест.

– Ты был у фонтана, что ли? А что же не участвовал в крещении? Ты же из республики «Портвейн», так? – Кузя покосился на вышитый рисунок на куртке Афонсу – стилизованную букву А в круге.

– Он калойру. Его, как и тебя, только-только посвятили. Поэтому ему еще нельзя носить капу. А потом ментор Педру появился. Афонсу и не подошел. У них... кхм... недавно возникли разногласия.

– Ерунда, – тряхнул головой Афонсу, – зато сейчас я вовремя. Праздничный обед-то будет? – он хлопнул Кузю по плечу. – Я чуть не разорился, когда проставлялся!

– Это потому, что за тебя не платил ментор Педру, – усмехнулся Хосе. – Сколько он выделил? Не пожадничал?

Кузя достал из кармана несколько банкнот и задумчиво повертел их в руке. Он понятия не имел, много у него денег или мало. Пять голов немедленно склонились над купюрами.

– А что, неплохо, – вынес вердикт Серхио, – надо звать остальных. Куда идем?

– За башню, – предложил Афонсу. – К семье Фернандеш. У них отличное вино к обеду.

– Мал еще, вино ему к обеду, – Ана отвесила мальчишке шуточный подзатыльник, – сначала до Сущности дорасти!

– Что за «Сущность»? Еще одно посвящение? – догадался Кузя.

– Да. Следующее, – пояснил Афонсу. – Но я его еще не прошел. Обещали к Рождеству и что-то особенное, – он кивнул на товарищей.

– Обещали, обещали... – Ана махнула рукой. – А ну бегом за остальными, зови всех к Фернандешам! Не знаю, как вино, а мясо у них божественное.

– И вот такими кусками, – согласился Серхио, широко разведя руки.

Афонсу сорвался с места. Кузя только прищелкнул языком: мальчишка двигался едва ли не со скоростью дива. Серьезный вырастет из него колдун.

– Пойдем и мы. А ты запомни, – обратилась к Кузе Ана, – кроме нас пятерых, о том, что ты бештафера, никто не знает. Студенты профессора Силвы в окно не пялились, больше у фонтана никого не было. Так что держись легенды.

– Да, конечно, – обрадовался Кузя. Руки он по настоянию Педру снова тщательно намылил и очень надеялся, что его больше не заставят целовать серебро, – но лицо на всякий случай намылил тоже, только гораздо более тонким слоем. Да и не выдержит мыло на губах долго, особенно во время еды. Тем более что обещали огромные куски мяса.

– Тогда подумай вот о чем, – продолжила Ана. – Видишь ли, у нас по закону бештаферам нельзя заходить в заведения, где едят люди. Ни в кафе, ни в рестораны, ни в столовые.

– Как это нельзя? – возмутился Кузя. – Это еще почему? То есть не просто за стол с хозяином нельзя садиться, а вообще заходить?!

Сам он регулярно забегал то в кафе, то в столовую и никогда не сталкивался с подобной проблемой. Даже пару раз обслуживали вне очереди, когда он брал еду навынос и показывал орла на ошейнике: думали, что он пришел взять обед высокопоставленному чиновнику – своему хозяину.

– В тысяча шестьсот втором году такую буллу издал Папа Климент. Почему – споры до сих пор ведутся. Кто говорит, что бештаферы, которых морили голодом, от запахов еды теряли рассудок и нападали на посетителей, а кто – что в толпе, используя вашу скорость и незаметность, легко можно отравить. Но этот указ до сих пор не отменен. Даже ручки на дверях в ресторанах традиционно покрыты серебром.

– И что же мне делать? – нахмурился Кузя. – Продолжать притворяться человеком? Но это же нарушение вашего закона. Вас не накажут, если узнают?

– За то, что мы притащили к Фернандешам в столовку бештаферу? Оценку за поведение снизят, – рассмеялся Хосе.

– Не думаю, что накажут, мы действуем по приказу ментора. Да и закон мы нарушать не собираемся. Очень многие заведения прекрасно обслуживают бештафер на летних верандах. Тебе, Диниш, просто придется обосновать остальным гражданам нашей республики, почему мы не идем внутрь, а сидим за столиками под зонтиками у всех на виду.

– Хм... – Кузя задумался, – а много граждан?

– Семнадцать человек. И накормить придется всех.

– Ясно. Тогда пошли, – Кузя махнул рукой, и они двинулись к арке.

Идея, как объяснить празднество на летней веранде, пришла Кузе почти сразу же. Когда группа студентов, пройдя по узкой улице вдоль стены вверх, уперлась в небольшую площадку со стоящими на ней шестью квадратными столиками, он, мысленно прикинув, что все должны поместиться, изобразил самую располагающую улыбку.

С площадки открывался довольно красивый вид на город, и, конечно же, на парапете уже сидел Афонсу. Когда только успел? Кузя уселся рядом и принялся рассматривать крыши вниз.

– Высоко, да? Отсюда видно даже кинту Слез, дом, где когда-то жили Педру и Инеш. Не бештаферы, конечно, – Афонсу рассмеялся, – а король и его возлюбленная, в честь которых были даны имена нашим менторам.

«Кинтой» в Португалии назывались небольшие поместья. Кузя тут же заинтересовался, похожа ли кинта Слез на усадьбу Вазилиса Аркадьевича, и уже хотел попросить показать ее, как вдруг заметил, как внизу, под стеной, промелькнуло что-то тонкое и блестящее. Словно длинная, сверкающая силой нить выстрелила откуда-то и мгновенно исчезла.

– Там что-то есть! – воскликнул он.

– Что? – Афонсу перегнулся через парапет и с интересом уставился в то место, на которое указывал Кузя.

– Я видел что-то похожее на паутину. Но как будто живую. Но она сразу исчезла, – пояснил див, а юный колдун рассмеялся:

– А, это и есть паутина. Ловушка ментора Диогу, вернее его оружие. Не вздумай отсюда упасть. И вообще упасть с любой высокой стены в Коимбре. Над всеми пропастями здесь натянута ловушка, ты попадешь в паутину, и она спеленает тебя в кокон. А потом появится его хозяин, и... – Афонсу пошевелил пальцами, изображая лапки паука, после чего сложил губы трубочкой и издал звук, как будто втягивает в себя жидкость. Сделав круглые глаза, он добавил: – Сожрет. Унесет кокон в свое логово в бамбуковой роще и будет долго и медленно, по-паучьи пожирать. Так случается со студентами, которые по неосторожности сорвались или прыгнули, желая свести счеты с жизнью.

– Счеты с жизнью? – Кузя снова посмотрел вниз, но паутины не увидел. – Но зачем?

– От несчастной любви, конечно! – Эти слова Афонсу попытался произнести особенно пафосным тоном, но не выдержал, фыркнул и добавил: – Ну или после провала на экзамене. Но чаще всего падают пьяные, пытаюсь впечатлить чародеек опасными кульбитами.

Было хорошо заметно, что, рассказывая про плотоядного ментора, Афонсу пытается впечатлить Кузю местной студенческой легендой, поэтому див пожал плечами и посмотрел на юного колдуна с прищуром:

– Я ведь не обычный студент. Со стены я не упаду, поймать меня сложно, и я не пью. У вашего ментора Диогу, насколько я понял, паукообразная боевая форма? И что, ему правда разрешают жрать студентов? Вот так запросто?

– Он обезьянопаук. На вид – просто жуть. Представь: восемь глаз на обезьяньей мордочке, маленькие мартышечьи ручки и жирное мохнатое тело паука. – Афонсу хмыкнул. – Но он бештафера проректора, заместитель ментора Педру. Так что даже тебе от него не удрать. А насчет жрет или нет... – Афонсу снова сделал страшное, по его мнению, лицо и прошептал:

– Многие, кто падал с этих стен, бесследно исчезли. А те, кому посчастливилось вернуться из жуткого логова, рассказывали, что лично видели иссушенные мумии в черных студенческих одеждах, торчащие из истлевших коконов. У ментора Диогу необычная способность: он умеет консервировать еду.

– Ух ты... – заинтересовался Кузя, – а ты покажешь его логово?

– Могу показать только заросли бамбука, где оно находится, входить в Укрытие ментора строго запрещено. Но это потом, – Афонсу махнул рукой, – а то уже наши подходят.

И действительно, вокруг собралось множество «граждан республики». Все поглядывали на Кузю с явным интересом.

Он дождался, пока соберется большинство, и, обведя рукой площадку, проговорил:

– Я очень рад вас всех видеть в этом шикарном месте с красивейшим видом. Я сам – студент из Московской Академии, и у нас в Подмосковье вчера выпал снег, а на улице минус восемь. И поэтому у меня просьба: давайте обедать прямо тут, на солнышке? Я счастлив наконец-то вылезти из проклятой шубы!

Раздались смешки.

– И давно это у вас? Ну, такая холодина? – раздался голос.

– Зима? – усмехнулся Кузя. – Примерно с октября. И продлится до мая. И еще выпадет снег по колено, а температура опустится до минус тридцати.

– И так до мая? – ахнул другой студент.

Кузя с мрачным видом кивнул.

– Так, – командным голосом произнесла Ана, – а давайте уже садиться? Или до мая ждать будем?

Загрохотали стулья: студенческая орава начала рассаживаться по местам. На шум вышел немолодой мужчина в длинном красном фартуке.

– О, сеньор Фернандеш, у нас тут небольшой праздничный обед, – улыбнулась Ана. – Вот, приняли нового гражданина – он анархист из России. Ну-ка, скажи: как тебя зовут? – схватила она Кузю за руку.

– Диниш Оливейра, – представился он.

– Да нет, по-русски, – дернула плечом она, – русское имя.

– А, Кузьма, – ответил он.

– А фамилия? – хитро улыбнувшись, спросила Ана. Похоже, она снова попыталась поймать его в ловушку.

И это внезапно зацепило Кузю. Он понимал, что девушка помогает ему, давая сложные задачки, решение которым он должен находить мгновенно. Но ему вдруг захотелось ответить. Да так, чтобы отбить охоту устраивать ему подобные проверки. Ощувив в груди какое-то странное веселое возбуждение, Кузя, криво усмехнувшись и глядя Ане прямо в глаза, произнес:

– Дивногорский.

– Ого... – послышались голоса у него за спиной, – а ты не родственник Николаю Дивногорскому, случайно?

Кузя пожал плечами:

– Ну, можно сказать и так. Думаю, мы довольно близки.

И увидел, как улыбка сползает с лица Аны. Тут же почувствовал, что чья-то рука довольно сильно вцепилась ему в плечо. Он обернулся. Прямо за его спиной стоял Афонсу, и в его глазах светился восторг, смешанный с искренным восхищением.

Кузя подмигнул парнишке с тем же заговорщическим видом, что и сам Афонсу в начале их знакомства.

Однако пора было делать заказ. Поесть надо очень плотно, а все размышления оставить на обратный путь: лететь придется долго.

К удивлению Кузи, сеньор Фернандеш заговорил с ним по-русски:

– Добрый день, господин Дивногорский. Вы будете отмечать посвящение, не так ли? Разрешите мне порекомендовать вам комплексный студенческий обед. Вы и ваши друзья могут выбрать из двух супов, трех мясных или рыбных блюд с гарниром. И напитки, включая наше региональное вино. И это обойдется дешевле, чем просто заказывать отдельно.

– Вы говорите по-русски? – спросил Кузя.

– Да, – подтвердил хозяин, – а еще по-французски, по-итальянски, по-английски и по-испански. В месте как здесь это важно.

– О... – Кузя посмотрел на мужчину с уважением. Он знал, как тяжело людям дается изучение языков.

– У вас там снег, я слышал? – продолжил расспросы сеньор Фернандеш, а Кузя быстро огляделся. Все взгляды были устремлены на него: студенты с нетерпением ждали обеда.

– Да, уже выпал, – сказал он. – И конечно же, мы возьмем студенческий обед. Мы все ужасно голодные!

– Сию минуту принесу меню, – сказал хозяин столовой и скрылся в дверях.

Кузя уселся за стол, и тут же рядом с ним, не сводя восхищенного взгляда, приземлился Афонсу. Кузя выбрал себе суп, какое-то блюдо, в названии которого фигурировало мясо, и персиковый сок.

– А чего не вино? – толкнул его локтем другой сосед по столику – этого студента Кузя не знал. Поэтому, пожав плечами, ответил:

– Так я же еще калойру. Мне нельзя вино!

– Ой, ты что же, не анархист? Да плевать на все эти правила!

На запястье Кузи легла рука. Афонсу наклонился вперед и с легким прищуром поглядел в глаза своего старшего товарища:

– Вот ты и напивайся среди бела дня, если хочешь. Анархизм – это свобода личности, а не слепое потакание низменным желаниям.

– Ладно, – смутился парень и поднял руки в жесте примирения. – Да я немного, – начал оправдываться он и покосился на сидящую за соседним столиком Ану. Девушка кивнула, словно давая разрешение. Забавно. Анархизм в этой республике явно проигрывал строгой иерархии и дисциплине.

– Да ну его, это вино, – жизнерадостно воскликнул Кузя, чтобы разрядить обстановку, – тут такие соки вкусные! Как будто фрукты прямо с ветки ешь!

– Вот, точно, – поддержал его Афонсу, – мне тоже сока, яблочного. Это ваше вино – жуткая кислятина, – мальчик демонстративно поморщился.

Сеньор Фернандеш принял заказ.

– Вы же пойдете сегодня слушать фаду? – спросил он у Кузи. – Вам очень повезло, в этот радостный для вас день состоится концерт.

– Фаду?.. – Кузя повернулся к Афонсу в поисках объяснения. – Что такое фаду?

Но вместо мальчика ответила Ана:

– Это такой музыкальный жанр, зародился в Лиссабоне в девятнадцатом веке, чем-то похож на ваши трагические романсы. Сегодня будет концерт. И мы пойдем, – с этими словами она повернулась к хозяину заведения.

– Конечно пойдем, – мрачно произнес Хосе, – можно подумать, у нас есть выбор.

Раздались смешки. Кузя нахмурился. Он чего-то не понимал про это фаду. И, дождавшись, когда Фернандеш уйдет, спросил у Хосе:

– А что с этими романсами не так? Тебе не нравятся?

– Да нет, я люблю фаду... но не все, – он усмехнулся, за что удостоился тяжелого взгляда от Аны.

– Дело в том, – пояснила она Кузе, – что концерт обычно открывает выступление ментора Педру. И оно занимает не меньше сорока минут. Все студенты, кто мог найти на сегодняшний вечер дело в городе или уважительную причину не приходиться, их нашли. Но ментор строго проверяет причину отсутствия, просто так не пойти нельзя.

– Он поет? Seriously? Ну и ну, – удивился Кузя. – И что же, это настолько плохо?

– О нет, поет ментор отлично, – вмешался Афонсу, – у него абсолютный слух, замечательный голос и в качестве аккомпанемента – лучшие музыканты Академии. Кроме того, сто лет назад он сожрал одного очень известного фадисту: тот серьезно заболел, и король пожелал сохранить его голос в веках. Но... понимаешь ли, в начале выступления ментор всегда исполняет несколько фаду собственного сочинения. И вот они... не очень хороши.

– Афонсу! Они ужасны! Просто кошмарны! – застонал Хосе. – И самое главное – к каждому концерту он сочиняет новые. Невозможно даже подготовиться к тому, что тебя ждет! А сидеть во время всего выступления надо с восторженным и одухотворенным лицом!

– Ого... – Кузя распахнул глаза, – разве бештаферы умеют сочинять стихи?

– Не умеют, – вздохнула Ана, – но ментор Педру считает иначе.

– Это отличная тренировка самообладания для колдуна, – Афонсу попытался соорудить серьезное лицо, но у него не получилось. – Не слушай Хосе. Он в прошлый раз не сдержался и рассмеялся прямо во время песни. Теперь ему стыдно и он опасается последствий. Как ты понимаешь, ментор Педру видит каждого зрителя и все запоминает.

– Да как можно было не заржать после строчки «Нос моего корабля разбило о твою корму», исполненной с таким надрывом? У тебя самого слезы из глаз потекли!

– Слезы могли потечь от восхищения. А вот твой смех – точно нет.

– Есть отличный способ, – заговорил парень, что хотел вина. – Надо просто думать о предстоящем зачете у ментора, и тогда вообще не смешно.

В ответ на его слова все присутствующие захихикали.

– А мне жаль ментора Педру, – неожиданно сказал Серхио. – Ему даже цветы никто не дарит. Хотя вторая часть его выступления, когда он поет общеизвестные фаду, вполне того заслуживает.

– Потому что все пытаются отойти от первой, – хмыкнул Хосе.

– Иногда дарят, – Ана пожала плечами, – у него немало поклонников. Хотя я всегда подозревала, что это бештаферы под прикрытием. Но лично я хожу на его выступления с удовольствием. Его стихи настолько плохи, что это, пожалуй, даже гениально.

Кузя ничего не ответил. Он не очень понял, что смешного в строчке про разбитый корабль. Он видел океанские волны: на таких не то что нос сломать, а в щепки можно запросто разбиться, если корабли столкнутся. Ему даже стало интересно, про что песня. Наверняка про пиратов.

Но вслух Кузя ничего говорить не стал. Возможно, он не понимает чего-то, что отлично видят и понимают эти люди. Тем более как раз принесли еду, и куски мяса действительно оказались огромными. А столовые приборы – из самой обычной нержавеющей стали.

Когда с обедом было покончено, члены республики, еще раз поздравив новичка, начали расходиться по своим делам. Афонсу, допив сок, тоже поднялся и сказал:

– Надо бы тебе город показать. А то спросят у тебя про Кошачий переулок, а ты даже о нем не слышал. Давай я устрою тебе экскурсию.

– Почему именно ты? – поинтересовалась Ана.

– Ну а кто? Ты из Браги, Хосе из Пенише, Серхио вообще из Гранады. Я один родился и вырос в Коимбре, все закоулки знаю.

– Резонно, – согласилась девушка, – тогда займись этим, а мы таки сгоняем в библиотеку. От сегодняшних занятий нас, конечно, освободили, а вот от завтрашних – нет.

– Тогда там потом и встретимся. – Афонсу хлопнул Кузю по плечу и улыбнулся: – Пошли. Тут полно интересного.

– Кошачий переулок? – заинтересованно спросил Кузя.

– И он тоже. И ботанический сад. А еще – смогаемся на римские развалины, если Хосе свой велик даст. А акведук ты видел?

– Пошли, я должен увидеть все. Особенно хочу посмотреть на логово вашего ментора.

– Давай за мной. Оно как раз в ботаническом саду. – Мальчишка развернулся и вприпрыжку помчался по улице вниз. Похоже, ходить как все нормальные люди он не умел. Кузя припустил за ним.

Сперва Афонсу показал дома остальных республик. Анархистскими они не были, но внешнее оформление ничуть не уступало «Портвейну». Многие стены были расписаны, и чего только на них не было: величественные корабли, пейзажи с горами, разнообразнейшая еда или выполненные в довольно странной манере лица людей.

– А вот и Кошачий переулок, – указал Афонсу на узкий проход между домами, – давай зайдем.

– Давай.

Кузя не понял, почему этот переулок назван Кошачьим. Разве что из-за своей узости – впрямую кошке пролезть. Но спросить не успел.

– Нравится? – почему-то шепотом поинтересовался Афонсу.

– Что? – нахмурился Кузя. В действиях юного колдуна однозначно скрывался какой-то подвох.

– Ну ты же это... кот... в некотором роде.

– А ты откуда знаешь? – удивился Кузя. Ладно, эти студенты догадались, что он див, но боевая форма... как и где этот паренек мог ее видеть?

– Я понял! Не простой кот, само собой, ягуар или леопард, да? Это ты сжег полицейские участки!

Афонсу схватил Кузю за плечи и прижал к стене.

– Покажи его! Ну пожалуйста! Я никому не расскажу!

– Кого? Кота?..

– Да нет же! Николая Дивногорского! Ты ведь его... сожрал, да?

Глубоко в памяти что-то мелькнуло и заворчалось. И Кузя с отчетливой ясностью понял, что с ним происходит. Он знает этого человека...

– Отпусти... – Кузя осторожно убрал руки Афонсу со своих плеч. Странное ощущение все нарастало. Тело начало меняться, и Кузя едва успел скинуть с себя куртку и рубашку.

Штаны, затрепав, выдержали, хотя теперь едва доставали до середины икры. Николай Дивногорский был худым, но довольно высоким человеком.

– Ух ты... – восхищенно прошептал Афонсу. В глазах его горел огонек такого восторга, что Кузя посмотрел на него сверху вниз и выдал внезапно всплывшую в голове фразу:

– Здоровы будьте, товарищи. Я Дивногорский, Николай, революционер-террорист.

И тут же вернул себе обычный вид. Раньше Кузя даже не подозревал об этой личине. И получилась она у него... странно она у него получилась. Сердце бешено колотилось и в голове гудело. Память, из которой появился Дивногорский, по-прежнему казалась недоступной и находилась где-то очень глубоко.

– Вот это да... – выдохнул Афонсу, когда Кузя снова оделся. – Жаль, нельзя никому рассказать. Хотя, я думаю, Ана тоже догадалась. Так, выходит, тебя не отправили в Пустошь, как я читал... точнее, Хосе мне читал. Я плохо знаю русский.

– Ты большой поклонник нашего анархиста?

– Ну да! Я вначале толстовцем был, как и он. Но потом понял, что непотворение злу насилием... ну, оно не работает. Многие люди просто не понимают, пока им как следует не врежешь.

– Полностью согласен, – хмыкнул Кузя, – я вообще плохих раньше жрал. Но теперь знаю, что их надо сажать в тюрьму. Им там хуже.

– Вот еще. Их же приходится кормить на деньги налогоплательщиков. Нет, менять надо все. – Афонсу махнул рукой, приглашая следовать дальше, – вообще все, само сознание людей. Чтобы люди, склонные ко злу, стали изгоями общества. А не добивались высоких постов по праву рождения или из-за того, что смогли отнять у других достаточно денег для этого. Ну ты-то точно должен понимать. Это же надо – ты, получается, уже чуть ли не сто лет анархист, да? Тяжело тебе, наверное, с ошейником...

– Если честно... – признался Кузя, – меня тогда отправили в Пустошь. И я ничегошеньки не помню. Вызвали обратно восемь лет назад. Сперва я попал к преступникам, но через некоторое время познакомился с очень хорошими людьми. И дивами. Бештаферами, по-вашему. А насчет ошейников... ты хоть и колдун, но считаешь, что их надо снять?

Афонсу задумался:

– Ну нет. Нет конечно. Если так сделать, вы, бештаферы, немедленно захватите власть над людьми. И все будет еще хуже. Начинать надо с людей. Чтобы они жили ради всеобщего блага, а не ради власти и низменных страстей. Тогда и бештаферам будет жить намного лучше. Я думаю так: все люди равны. Это неправильно, когда один человек решает, как должны жить миллионы.

– Однако у вас всем заправляет Ана, – заметил Кузя, – и это отлично видно.

– Нет, ты не понял, – замотал головой Афонсу, – она решает те вопросы, в которых разбирается. По учебе, организации быта. Но если, например, мы соберемся в поход, даже на пару дней на пляж, – тут руководство возьмет Хосе. А если мы готовимся к велосоревнованиям или к экзаменам по скольжению по волнам или по химии – тут уже я всем помогаю. Когда-нибудь человечество дозреет именно до такой системы управления. Уже сейчас предпринимаются шаги. Вот та же королевская власть. Она отменена почти везде. Ну а правда, для чего она? Страной управляет человек, для этого вообще не предназначенный. Может, он хотел бы стать спортсменом. Или путешественником. Или фадиштой. Но вынужден делать то, к чему у него душа не лежит. Поверь, эти обязательства давят похлеще ошейника.

Кузя хотел было рассмеяться, а потом вспомнил Софью. С каким бы восторгом она, вместо того чтобы давать очередной прием, снова бы отправилась в Пустошь с Гермесом Аркадьевичем. И потому только пожал плечами. Удивительно: люди, даже совсем маленькие, задумываются о таких сложных вещах...

– А ты? Чего бы хотел? – не отставал Афонсу. – Свободы? И делать то, что хочешь?

– Я и так почти всегда делаю то, что хочу, – усмехнулся Кузя. – Но ты прав, многим дивам не повезло с этим, – он вспомнил Рождественского.

– Вот! – поднял палец Афонсу. – А как анархист какое ты видишь будущее для бештафер? Хочешь, чтобы вас освободили?

Кузя задумался. И наконец сказал:

– Нет. Некоторых, может быть. Меня, Владимира. Иннокентия вот можно еще, Анастасию. Анонимус сам никуда не пойдет. Да он, наверное, в обморок упадет, если ему свободу предложить, а потом прочтет лекцию на пять часов про традиционные семейные ценности. Он фамильяр, – добавил Кузя, чтобы было понятнее.

Афонсу рассмеялся, но в его смехе Кузе почудился оттенок горечи.

– У нас ментор Педру такой же... Никак не желает расставаться с устаревшей наследственной системой. И носится со своими королями, существующими только в его воображении.

– Да, даже я это заметил, – Кузя вспомнил, как разъярился Педру, только заподозрив его в неуважении к королевской особе.

– А мне кажется, это нерационально. Сильный и умный колдун намного лучше, чем тот, кто «хотя бы не лупит себя своим же оружием по голове». Представляешь, я однажды слышал и такое высказывание. Но зато «в его венах течет истинная королевская кровь». Так глупо, особенно в современном мире.

– Хочешь стать ректором? – спросил Кузя.

Афонсу дернул плечами, как будто собирался сказать: «Да ну, мне нужно совсем не это», но потом кивнул:

– Да, хочу. Но по-честному. Потому что я действительно лучший. Пошли до моста.

Он помчался вперед. Кузя рванул за ним. Что же, понять обиду мальчишки было несложно. Он, как и сам Кузя, хотел быть самым сильным. И чтобы все это оценили и восхились им. И возможно, юный колдун имел для этого все основания. Но местные обычаи лишили его шанса занять желанный пост.

– Не расстраивайся, – решил подбодрить его Кузя, не сбавляя скорости. – Дивы тоже меняются. Мы учимся. И Педру когда-нибудь поймет, что старые времена прошли. Тем более что решает не он, а ректор. Я видел вашего дона Криштиану. Выглядит очень... величественно. Настоящий король.

– Вот именно, – мрачно буркнул Афонсу. – И ты думаешь, этот король захочет что-то менять?

– Хм... – Кузя задумался. – Не знаю. Но мне кажется, что Педру просто нравится думать, что он служит королевской особе. Это помогает ему мириться.

– С чем?

– Со своим положением, конечно же. Вот смотри: он работает, преподает, занимается делами Академии, служит королю, но зарплаты за это не получает. И отпуска у него нет. И вообще, вдруг он не хочет быть ментором? А хотел бы стать кем-то другим? Тем же фадиштой.

Афонсу резко остановился и прыснул в кулак:

– Диниш, ты просто не понимаешь, как у нас тут все устроено. Ментор Педру – весьма известный фадишта. А еще он основал свой клуб, где обучает скольжению по волнам. Ему нельзя участвовать в соревнованиях наравне с людьми, а обучать бештафер пока не получается, что его весьма расстраивает. Но он судит соревнования и является одним из самых уважаемых и авторитетных серферов. И у него был отпуск, по крайней мере один. В этот свой отпуск он остриг волосы, изменил внешность, прикинулся колдуном из Испании и отправился в велопоход с нашими студентами. И его никто не узнал!

– А как же его кольцо? Как могли колдуны не заметить ошейник?

– Кольцо ректор перенес ему в ухо.

– Выходит, дон Криштиану был с ним в сговоре?

– Да, ректор решил, что это отличная идея, если ментор присмотрит за нами. Но знаешь, что учинил этот ментор?

– Что? – заинтересовался Кузя.

– Он курил и угощал остальных студентов, рассказывал кучу занятных историй, взял с собой гитару и вечерами у костра пел популярные испанские песни, выделял головокружительные трюки на своем дорожном велосипеде и моментально находил выход из любой затруднительной ситуации. В результате он влюбил в себя всех девчонок! Даже тех, что отправились в путешествие со своими парнями. А парни... они натурально в рот ему заглядывали и готовы были бежать на край света по любому его слову! Он всех очаровал! И на организаторов похода, которые придумали маршрут, рассчитали стоянки, закупили провизию, всем стало просто наплевать!

Кузя представил, как искусный и опытный в маскировке Педру, сумевший в свое время обмануть даже Меньшова, с легкостью обвел вокруг пальца юных колдунов, и хотел рассмеяться. Но не стал. Судя по лицу Афонсу, Педру отбил и его девушку.

– А что касается денег... – продолжил юный колдун. – Сто пятьдесят лет назад один из королей подарил ему замок. И потом он прикупил еще парочку. Ему также принадлежат виноградники, винодельни, оливковые и пробковые плантации и множество других предприятий по всей стране. Поверь, он намного богаче, чем семья ректора. Он ведет дела Академии уже не одну сотню лет. Да, конечно, формально все его активы записаны на Академию или ректора...

– Вот именно, – заметил Кузя. – Выходит, всем его имуществом распоряжается ректор, что захочет, то и сделает. Хоть вообще по ветру пустит. И Педру ничего не сможет с этим сделать.

Взгляд Афонсу потемнел:

– Ни один глава Академии не сделает ничего подобного. И не только из-за честности или верности долгу. Ментор Педру дважды казнил ректоров за то, что они действовали во вред Академии и представляли для нее угрозу. И первый раз – именно за растрату огромной суммы в личных целях. У бывшей королевской семьи есть собственное имущество, и только им они и имеют право распоряжаться по своему усмотрению.

– Ничего себе... – опешил Кузя, – он что же, попросту сожрал своего хозяина? Из-за того, что тот, по мнению Педру, сделал что-то не так? И... – Кузя хотел спросить, позволил ли это приоритет, но тут же вспомнил, как Диана напала на Меньшова. И вместо этого поинтересовался:

– А второй раз за что?

– А второй – за едва не случившуюся по вине ректора войну между Академиями, – пояснил Афонсу и добавил: – Ладно, помирюсь с ментором и попробую поговорить начистоту. Ты меня натолкнул на парочку интересных мыслей. Давай, как посмотрим рошу, в которой находится логово, сгоняем к римским развалинам. Потом я покажу тебе Академию и библиотеку и пойдем слушать фаду.

– Ага, – сказал Кузя задумчиво. Уж больно необычно прозвучало это «помирюсь». Как будто речь шла о сокурснике, с которым Афонсу в ссоре, а не о всемогущем менторе. А еще Кузя подумал, что у анархистов нет шансов. Педру никогда не позволит сменить удобного «короля» на по-настоящему сильного колдуна, который сможет заставить бештаферу подчиняться и ограничит его свободу. Кузя на его месте точно бы не позволил.

Библиотека Жуанина оказалась по-королевски роскошной. Огромные залы были украшены причудливой резьбой, позолотой, арки между ними венчали огромные короны. И книг тут хранилось не меньше, чем в библиотеке Московской Академии, у Кузи аж глаза разбежались. Но дивов-охранников Кузя не почувствовал, да и сам библиотекарь оказался довольно

молодым и улыбчивым человеком. Он любезно указал Афонсу, где занимаются его друзья, и выписал разрешение на посещение. Кузя пошел за Афонсу, вертя головой по сторонам. Как же люди здесь управляются без помощи дивов? Разгадка нашлась быстро: буквально через минуту им навстречу попался один из студентов, присутствовавших за праздничным обедом. Только сейчас на нем была строгая форменная одежда и в руках – складная лестница.

– Луиш сегодня дежурный, – пояснил Афонсу, – на дежурство по библиотеке назначают только колдунов, – с гордостью добавил он, – это не так просто – карабкаться по лестницам на верхние полки, а делать это надо очень быстро, чтобы никого не задерживать. Не всякий справится.

Кузя кивнул. Он не стал спрашивать, почему нельзя использовать дивов. Наверняка на то есть причины. И связаны они, скорее всего, с местным Хранилищем. Интересно, кто занимается его охраной? Педру? Впрочем, Кузя отлично понимал, что ответов на эти вопросы ему не получить. Да и не надо, он сюда не за этим прилетел.

Афонсу провел Кузю по библиотеке, а потом они прошли к столу, за которым сидели Ана, Хосе и еще несколько студентов из республики. Все усердно занимались.

Поглядев на сосредоточенных студентов, Кузя попросил себе несколько интересных книг по истории.

– Отличная мысль, – обрадовался Афонсу, – тогда и у меня будет часик – подготовиться к завтрашнему семинару.

Ближе к вечеру, когда Кузя и Афонсу вышли на площадь перед дворцом, там уже вовсю суетились люди и дивы. Небольшой помост, установленный дивами, был накрыт ковром. Посреди ковра возвышались стулья. Такие же стулья образовали несколько рядов для зрителей перед импровизированной сценой, и дивы подносили новые. Судя по приготовлениям, народу ожидалось предостаточно.

– А где места для профессоров, ректора? И прочих важных персон?

Афонсу указал наверх, и Кузя увидел украшенный цветами небольшой балкон в центре корпуса, напротив которого находилась сцена.

– А-а, – понял он, – это для короля, да? А остальные?

Афонсу хмыкнул.

– А остальные на обычных стульях посидят. Мероприятие организует ментор Педру. Стулья для профессоров. Девушки иногда присаживаются еще, а простые студенты стоят или сидят прямо на земле. И мы тоже, – он указал на пространство прямо перед сценой, – вот наши места. Пока никто не оспаривает. Сам понимаешь: чем ближе к сцене, тем больше шансов попасться ментору на глаза.

Кузя осмотрел места республики и решил, что сидеть там будет весьма удобно. На улице тепло, зачем морочиться со стульями? И слышно будет лучше всего за счет равномерно отражающегося от стен звука. Кузя надеялся послушать какую-нибудь интересную песню про пиратов.

Буквально через пять минут начали подтягиваться остальные анархисты. Хосе уселся рядом на плоскую подушку, пристегнутую к его бедрам ремнем, Ана подложила куртку. Возможно, людям камни брусчатки казались холодными или жесткими.

Площадь быстро наполнялась народом. Или колдуны и чародеи очень любили фаду, или, как сказала Ана, опасались недовольства Педру.

Ментор не заставил себя долго ждать. Как только ректор занял свою ложу, он вышел из главного здания, степенно спустился по лестнице и прошел к сцене. За ним также величественно следовали четверо студентов в парадной одежде и длинных мантиях-капах. В руках у них были музыкальные инструменты, из которых Кузя опознал только гитару. Вскоре все поднялись на сцену.

Раздался гром аплодисментов, радостные возгласы заполнили площадь. Хм... на встречу из страха похоже не было.

Афонсу заметил удивление Кузи и прошептал на ухо:

– Когда ментор закончит со своими песнями, начнется настоящий концерт. Он очень здорово поет. Ради этого многие сюда и приходят. Ну и ради остальных фадист, конечно. Сейчас Серхио вино достанет, и станет совсем весело.

– Подожди. Вы будете выпивать прямо на глазах у ректора? – удивился Кузя.

– Да что там дон Криштиану... ментор Педру прямо в паре метров от нас, представляешь? – хмыкнула Ана. – Но не бойся. Это тоже традиция: нельзя слушать фаду и не выпить вина. А уж фаду ментора на трезвую голову – это совсем...

– Т-с-с, – сказал Афонсу. Выступающие расселись на стульях, и только сам ментор остался стоять. Заиграла музыка.

Глава 4

Первая песня воспевала Коимбру и студенческий быт и, судя по всему, была известна и любима всеми, потому что слушатели тут же принялись хлопать себя по коленям, отбивая ритм, и подпевать.

Но перед следующей повисла тяжелая тишина, которую нарушили лишь первые заунывные аккорды. Музыка стала тягучей и тяжелой и совершенно не понравилась Кузе. Как и сама песня. Сперва Педру спел о каком-то «юном принце, разбившем его сердце», а дальше последовало тоскливое перечисление того, что ментор теперь собирается с этим сердцем сделать: от «вырвать его из груди, бросить к ногам жестокой особы королевской крови, чтобы его растоптали, завершив начатое» до «скормить диким зверям и чудовищам». Далее ритм музыки стал еще более мрачным и Педру заявил о своем твердом намерении расстаться с жизнью и принялся перечислять способы, среди которых фигурировало: «утопиться», «быть сожженным разъяренными бештаферами» и «сгореть вместе с неким “проклятым городом”, где и произошло такое несчастье».

Теперь Кузя понял, что имели в виду студенты. Автором этой песни точно был Педру, и речь в ней велась от лица какой-то чересчур впечатлительной влюбленной и отвергнутой барышни. При этом Педру исполнял свои стихи с самым серьезным и даже трагическим видом, и Кузя подумал, что в сочетании со слезливым содержанием песни древний и всесильный ментор действительно выглядит довольно смешно и нелепо. А если это понял див, что говорить о людях?

Кузя потихоньку оглядел студентов. Но, к его удивлению, все сидели с напряженными и даже несколько испуганными лицами. Никакого намека на сдерживаемый смех. Хосе выпрямился, будто кол проглотил, и не мигая смотрел на сцену. Афонсу так сильно побледнел, что это стало видно даже в свете фонарей. Губы мальчишки были плотно сжаты, пальцы рук сцеплены, а ногти впились в кожу. И только Ана внешне казалась спокойной, но Кузя слышал, как отчаянно колотится ее сердце. Что происходит?

Наконец Педру закончил песню. Над площадью повисла гробовая тишина. Не было не то что аплодисментов, казалось, слушатели лишней раз боятся вздохнуть. Педру поклонился, весьма довольный произведенным эффектом. А вскоре снова заиграла музыка, на этот раз гораздо более ритмичная, и он запел о море, волнах и тяжелой судьбе моряка, который подолгу не видится со своей возлюбленной и очень по ней скучает, но сидя дома с любимой – очень скучает по морю.

Эта песня Кузе понравилась больше. Может, стихи в ней тоже не были особенно хороши, но Кузя в поэзии не разбирался, да и язык знал еще не настолько хорошо, чтобы оценивать сложные рифмы или что там еще бывает в стихах...

Слушатели начали успокаиваться. Вторая песня впечатлила их намного меньше, чем предыдущая. Но зато ее наградили аплодисментами. Да уж... надо же, как, оказывается, сильно действует на людей искусство.

В следующих двух песнях тоже фигурировали океан, разлука и любовь. А последняя даже Кузю взяла за живое – она пелась от лица утонувшего рыбака, который смотрит на любимую сквозь толщу воды, но не может выйти к ней и поцеловать, потому что его крепко сжимает в своих объятиях океан. Кузе даже холодно стало от мысли, что может чувствовать при этом несчастный рыбак. Утонуть... что может быть ужаснее?

После песни о рыбаке Педру сделал паузу и поблагодарил всех за то, что оценили его скромные творения. Воспользовавшись перерывом, Кузя повернулся к Афонсу, намереваясь сказать, что студенты зря смеются над своим ментором: его песни вовсе не плохие. Но мальчишка внезапно вскочил и, пригнувшись, рванул с концертной площадки к арке.

Кузя с трудом подавил желание помчаться следом – площадь накрыло такой волной силы, что ее однозначно почувствовали не только дивы, но и сидящие вокруг колдуны. Он бросил взгляд на Педру и увидел, что глаза дива горят лиловым огнем. Но мгновение спустя Педру взял себя в руки и улыбнулся публике:

– Не стоит торопиться покидать свои места. Песни, которые я собираюсь исполнить, может, и не настолько выразительны, как мои собственные, зато проверены временем и любимы всеми.

Он махнул рукой, и музыканты заиграли какую-то известную мелодию. Зрители разразились радостными криками, а Педру снова запел.

Но не успела его новая песня подойти к концу, как в арке снова появился Афонсу. В руках он держал огромную охапку цветов. Судя по виду, парнишка нарвал их в палисаднике у ближайшего дома, если вообще не на клумбе. Юный колдун не стал возвращаться на свое место, а устроился возле сцены, положив цветы себе на колени.

Когда Педру закончил свое выступление и вышел на поклон, Афонсу поднялся на сцену со своим букетом. И тут же все сидящие на земле студенты зааплодировали и начали выкрикивать «Браво!» «Отлично!» и «Хотим еще!». Кузя от души к ним присоединился. Педру, к удивлению Кузи, опустился перед своим поклонником на одно колено, словно перед королем, и принял букет. И Кузе показалось, что глаза ментора блестят от слез. Потом он поднялся в полный рост и сказал:

– Если мои почтенные зрители так просят, спою еще раз про нашу прекрасную Академию.

Спев еще несколько песен, Педру снова раскланялся под восторженные выкрики и аплодисменты и, спустившись со сцены, так же величественно и неспешно направился в сторону главного корпуса.

Кузя проводил его взглядом.

Пора.

В Коимбре оказалось гораздо веселее, чем он ожидал. Да и концерт все еще продолжался, на сцену как раз поднимались новые музыканты. Но Кузе нужно получить письмо от донна Криштиану и подарки. Король говорил о каких-то подарках...

...И лететь домой.

А значит, самое время последовать за Педру. Но сперва надо попрощаться. Кузя от всей души надеялся, что у него получится еще когда-нибудь увидеть и умницу Ану, и серьезно-бесшабашного Хосе, и Афонсу, в котором див разглядел настоящую родственную душу.

Кузя огляделся: Афонсу возле сцены уже не было, а через площадь к арке быстрым шагом направлялась Ана. Хосе тоже куда-то исчез. Стало немного грустно. Новые друзья совсем про него забыли. Но Кузя решил во что бы то ни стало их догнать. Надо хотя бы сказать им спасибо.

Во время перерыва площадь заполнилась суетящимся народом, который прежде неподвижно сидел на земле или на стульях. Откуда-то запахло сосисками и жареными каштанами. Возле арки к тележке с горячей едой выстроилась небольшая очередь.

Пробравшись через толпу, Кузя забежал под арку и прислушался: из всей какофонии звуков нужно вычленить знакомые голоса. Так, вот голос Аны, совсем рядом. Кузя выбежал из-под арки, завернул за угол и сразу же увидел девушку, Хосе и Афонсу. Младший паренек стоял прижавшись к стене. В руках он сжимал бутылку вина.

– Давай, еще глоток, – велела Ана.

Афонсу поднес бутылку к губам. Руки у него тряслись.

– Нет, я не хочу... правда, – он вернул бутылку и, глядя девушке прямо в глаза, проговорил:

– Ты же сама слышала... это... не пустые угрозы!

– Это был шантаж, Афонсу. Грубый, неприкрытый и направленный в твой адрес. И ты повелся. А ведь ты еще даже не ректор. Представляешь, что будет дальше?

– Я не повелся, – упрямо проговорил мальчик, – ему было плохо. По-настоящему. Ты разве не ощущала это? Ему больно. И я не мог просто сидеть и делать вид, что мне безразлично.

– И ты правильно поступил. Цветы – отличная идея. За выступления ментору редко дарят цветы. Хотя, когда ты убежал, я думала, он сцену разнесет.

– Не разнес бы. Я специально дождался, когда он закончит свои песни.

Ана открыла было рот, чтобы ответить, но тут в свете фонаря заметила Кузю.

– А, Диниш... а у нас... вот, сам видишь что, – она развела руками. Вино в бутылке плеснуло. – Забери, – велела она Хосе. Тот взял бутылку.

– Ага... – Кузя почесал нос и подошел ближе, – я вижу. Только ничегошеньки не понял. Это из-за песни той? Она про несчастную любовь, грустная, конечно, но не настолько же...

– Ты не понял, правда? – Ана сморщила нос. – Афонсу – из дома Браганса! Это про него песня. А вовсе не про какую-то там любовь!

– Браганса?.. Но... это же королевская фамилия... – Кузя выпучил глаза. – Погодите-ка... Афонсу, ты что же, сын дона Криштиану?

– Да, – подтвердила Ана. – Более того, у него огромная сила и он в данный момент – единственный официальный наследник.

Теперь все встало на свои места. Эх, Кузе еще учиться и учиться, прежде чем он станет настоящим сыщиком. Все ведь с самого начала было очевидно. Это не Афонсу похож на Педру, а див похож на своего хозяина, ректора. И отношения между ректорским дивом и юным наследником действительно должны несколько отличаться от отношения с обычными студентами. Просто... парнишка ну совершенно не был похож на «принца».

– Слушай, – Кузя обратился к Афонсу, – так ты, выходит, будущий ректор? Но ты ведь не хочешь... или хочешь? Ох, вы меня совсем запутали, ребята. И почему ты с Педру в ссоре? И главное, при чем тут эта странная песня?

– Это я виноват, – Афонсу стукнул себя кулаком по ноге. – Надо было думать...

– Ни в чем ты не виноват, – сказала Ана и пояснила Кузе: – Пятого октября, в день, когда в начале века случилась революция и последний король отрекся, республика анархистов вышла на шествие. Мы всегда отмечаем этот день. И Афонсу нес плакат, где было написано: «Долой право крови! Да здравствуют выборы!» Он его сам нарисовал.

– Потому что я в это верю! – воскликнул Афонсу. – Да, я хочу стать ректором, а кто не хочет? Но честно! И я говорил об этом и отцу, и ментору. Но... они не приняли мои слова всерьез. Поэтому я решил бороться.

– Но путь нам преградил ментор Педру, – продолжила Ана. – Прежде он никогда не вмешивался в наши протесты. Даже когда мы протестовали против его собственных распоряжений и его любимых средневековых порядков. Но тут... Он был... очень расстроен. Не хотел пропускать Афонсу. Тот отдал плакат Хосе, но...

– ...Но ментор с тех пор со мной не разговаривает, – добавил Афонсу. – Нет, на занятиях ведет себя как ни в чем не бывало и, когда видит, произносит дежурные приветствия. Но не больше. И вот теперь – сам слышал. Я должен с ним поговорить. Сегодня же, – юный колдун повернулся к друзьям: – Вы... возвращайтесь на концерт, а я пойду...

– Ну уж нет, – возразил Хосе.

– Вы все вместе можете дослушать концерт, – сказал Кузя. – Мне пора лететь домой. Потому что мне предстоит еще одна встреча с доном Криштиану, письмо от него может получить только посланник, лично в руки. А встреча с ним, естественно, не обойдется без Педру.

– Ты улетаешь? – растерянно спросил Афонсу.

– Да, мне утром надо быть уже дома.

– А, тогда не торопись, – обрадованно произнесла Ана. – Ректор ни за что не уйдет до самого конца концерта.

– Я возьму колбасок. Уж очень они вкусно пахнут, – крикнул Хосе и рванул занимать очередь.

Концерт длился еще полтора часа. Петь выходили не только студенты, Кузя отметил даже парочку профессоров, которые тоже не гнушались этим искусством. Зрители хором подпевали, вылезали на сцену обнимать своих любимых музыкантов, кто-то уходил, подходили новые люди. Кузя видел в толпе нескольких довольно сильных дивов, по всей видимости менторов.

Наконец выступления закончились, и площадь начала пустеть.

– Ну что, бештафера Кузьма, удачи тебе в твоем деле, каким бы оно ни было. – Ана хлопнула Кузю по плечу и повернулась к Афонсу: – Будешь ждать? Может, лучше завтра?

– Нет, сегодня, – упрямо мотнул головой Афонсу, – этот разговор нельзя больше откладывать.

Ана молча вздохнула.

Хосе пожал Кузе руку.

– Возможно, мы еще увидимся, Диниш, было приятно познакомиться с тобой, – усмехнулся он.

И спустя несколько минут Кузя и Афонсу остались на площади одни.

– Эх... все-таки жаль, что ты не взаправдашний студент, – с расстройством произнес юный колдун. – Но я скажу тебе свой адрес, давай будем переписываться? Хочу побольше узнать про ваших анархистов. И про тебя. Ты не очень-то похож на наших бештафер.

– Ты имеешь в виду менторов? – усмехнулся Кузя, вспомнив суровых дивов на площади. И Педру, впечатляющего, с какой стороны ни посмотри. А впрочем, разве Владимир, Иннокентий, Анонимус, Анастасия и тем более Инесса так уж сильно от них отличаются?

– И менторов, и нашего фамильяра. Ментор Педру на лекциях часто рассказывает, как легко может обмануть колдуна бештафера. И прекрасно продемонстрировал это, притворившись веселым непутевым испанцем. Ни мы с Хосе, ни даже вечно осторожная Ана не смогли раскрыть обман.

Перед глазами Кузи всплыло счастливое и немного безумное лицо Педру. Тогда див говорил про океан... И Кузя сказал негромко:

– А что, если именно тогда он и был настоящим? А перед вами просто держит менторский имидж, чтобы не расслаблялись? – див изобразил на губах загадочную улыбку.

Афонсу, конечно, прав. Дивы чувствуют и выражают эмоции совсем не так, как люди. А похужее на человеческое поведение – чистое подражание. Но разве не так же ведут себя человеческие дети? Подражая взрослым? Кузя наблюдал подобное множество раз.

Афонсу хмыкнул:

– Запоминай адрес. Буду ждать от тебя письма. Ментор Педру ведет постоянную переписку с колдунами из множества Академий. Так что это вполне допустимо. Мир меняется. И менять его нам. – Афонсу протянул руку, и Кузя пожал ее, подумав, что фраза просто отличная. Надо ее запомнить и при случае вернуть.

Дон Криштиану, как и утром, сидел на своем троне, но в этот раз Кузя постарался рассмотреть ректора получше: хотелось уловить семейное сходство с Афонсу. И это, естественно, не укрылось от взгляда колдуна. Он поднял руку в приглашающем жесте.

– Встань, посланник, и подойди. Хочу немного поговорить с тобой.

Кузя поднялся. Приватный разговор с ректором не входил в план, озвученный господином Меньшовым. Однако и знакомство с юным наследником проректор предугадать не мог. Придется выкручиваться на месте.

– Я заметил, что ты нашел общий язык с моим сыном, – проговорил дон Криштиану, и на его суровом лице появилась улыбка. Кузя немного успокоился: речь, похоже, пойдет об Афонсу. Но откуда ректор знает? Видел из своей ложи, что они сидели рядом? Или за наследником постоянно следят? В таком случае ему можно только посочувствовать...

– Афонсу давно проявляет интерес к анархистам, – добавил ректор, – в том числе и к русским. А также интересуется вашей историей и культурой. И я подумываю на год отправить его в Московскую Академию.

– О... серьезно? – обрадовался было Кузя, но вспомнил, что он сам пробудет в Академии только три-четыре дня, а после вернется в Петербург.

– Да, и мне нужна твоя помощь. Видишь ли, эта просьба проректора Меньшова... Сам понимаешь, так просто бештаферу к колдунам не внедряют. Тем более в святая святых – Академию. Причем даже не под видом ментора – студента! Не беспокойся, я не буду пытаться вызнать ваши тайны. Но... так могут поступить только в двух случаях: с целью шпионажа или для чьей-то защиты.

Король слегка наклонился к диву и развернул вверх ладонь. Кузе вдруг стало легко и радостно, приятное тепло словно побежало по его венам. А дон Криштиану продолжил:

– Речь идет о моем сыне. Поэтому мне важно знать: студенты вашей Академии – в безопасности? И в безопасности ли внук ректора Светлова, так трагически нас покинувшего?

Во взгляде короля светилась искренняя тревога. И его лицо в этот момент стало настолько похоже на лицо Афонсу, что Кузя даже улыбнулся. Но потом нахмурился. Ну что он может сказать этому человеку? Особенно про Матвея? Который, хоть и инсценировал свое падение, но, по словам Гермеса Аркадьевича, проректора Меньшова, да и Владимира, если уж на то пошло, находился в очень большой опасности.

– Я не могу ничего об этом сказать, – признался он. – Вам лучше поговорить с господином Меньшовым.

Придумать ничего правдоподобного не получалось. Да и обманывать дону Криштиану совершенно не хотелось. Очевидно, что им движет искренняя забота о сыне.

– Я понимаю, – ректор по-отечески похлопал Кузю по плечу, – и я уверен, что скоро у вас все будет в порядке. Ведь Инеш защищает учеников, так? Она жива, здорова и находится в Академии?

Взгляд короля стал совсем теплым и добродушно-участливым. И Кузя только растерянно захлопал глазами.

– Защищает... – наконец проговорил он, – я... я уверен в этом. По крайней мере, точно – старается.

К счастью, больше Кузю ни о чем не расспрашивали. Получив свиток, он, соблюдая все церемонии, вышел из зала и направился за Педру. В полной тишине они вошли в кабинет дива. На столе лежали коробочки и несколько свернутых и связанных вместе кулков. Кузя тут же ощутил запах кофе, рыбы и еще какой-то еды. У него заныло в груди. Как же хорошо и комфортно в Коимбре! Как же не хочется ее покидать! Даже кабинет Педру показался настолько уютным, что захотелось свернуться клубком на небольшом диванчике и, ни о чем не думая, лежать и смотреть в темные окна.

Педру будто прочитал его мысли.

– Ты понравился повелителю. И будь ты ментором, я бы договорился с проректором Меньшовым и обменял бы тебя на кого-нибудь из наших менторов. И, может быть, обучил бы тебя скольжению по волнам. В тебе есть потенциал. Ты чем-то напоминаешь меня в юности.

– Правда? – настроение было настолько прекрасным, а комплимент – таким приятным, что захотелось обнять Педру. – А что ты делал в юности? Охотился на пиратов, наверное?

Кузя уже достаточно прочитал про берберских пиратов и знал, сколько проблем они доставляли. Судя по учебникам истории, Педру прославился как их непримиримый враг и истребитель.

– Это было позже. Когда я уничтожал пиратов, я уже служил королю. А до этого я сам был пиратом. А еще раньше люди почитали меня как божество.

– Ух ты... – восхитился Кузя, – это, наверное, здорово.

– Тогда мне тоже так казалось, – зрачки Педру расширились от приятных воспоминаний, – но это было так давно, что даже моя память уже начинает меня подводить.

– Как же классно быть таким древним и сильным! – восторженно воскликнул Кузя. – Хорошо, что я... похож. Это значит, что у меня тоже есть шанс стать таким же.

– Если доживешь.

Кузя хотел беспечно махнуть рукой, но что-то изменилось в силе Педру, и Кузе стало не по себе.

Див приблизился так быстро, что Кузя не успел заметить его движения, и негромко, на пределе слышимости проговорил:

– Видишь ли, у тебя есть два недостатка. Про один я уже говорил – это самоуверенность. Чаще всего бештаферу губит именно она. Но вторая опасность гораздо серьезнее.

– Что это? – прошептал Кузя.

– Это люди, – без тени улыбки проговорил Педру. – Люди, которых ты всей душой хочешь защитить. Чем больше ты будешь делать им добра, тем чаще они будут пытаться тебя сломать и уничтожить. Люди очень неблагодарные существа, запомни это.

– Что за чушь? – недоуменно спросил Кузя. Приятное и расслабленное настроение рассеялось без следа. Он указал на окно. – Вон там тебя ждет Афонсу! Он очень переживает, что сделал тебе больно. И это при том, что он был прав, а ты – нет!

Педру даже не повернулся в сторону окна.

– Я отлично знаю, что сеньор Афонсу ждет меня. Он всегда сидит на этом парапете, когда хочет поговорить со мной о чем-то важном. Как только я закончу дела, немедленно выйду к нему. Но это, увы, никак не отменяет моих слов. Ты и сам поймешь это рано или поздно. Дело не в том, что люди плохие или хорошие. Просто они в большинстве своем не умеют и не желают решать сами, что для них хорошо, а что плохо. Люди не способны управлять своей жизнью. Поэтому и назначают себе тех, кто решает за них. Богов, королей, президентов. Даже когда они говорят, что желают свободы, на поверку они просто хотят, чтобы тот, кто принимает за них решения, делал это так, как им удобно. Но ирония в том, что чем больше делаешь им добра, тем больше они тебя презирают. Это заложено в их природе. И когда ты это поймешь, у тебя будет только один путь.

– Какой? – спросил Кузя, чувствуя, что у него холодеет спина.

– А этого я не знаю, – внезапно совсем по-человечески улыбнулся Педру, – свой выбор я сделал. А твой путь придется выбирать тебе. Если тебя не убьют раньше, разумеется. Поговори об этом с Инеш. Она очень мудра, в отличие от меня.

С этими словами Педру повернулся к окну.

– И ты прав. Будущий король ждет. Поэтому забирай подарки. Я добавил немного и от себя. И передай господину проректору мой самый пламенный привет. И не вздумай его подвести, ясно? – Это Педру проговорил по ментальной связи. На этот раз его голос прозвучал в голове как набат.

– Ясно, чего же неясного, – пробормотал Кузя, уныло оглядывая гору подарков. – Как я их потащу-то все? Галкой?..

Педру указал куда-то за окно:

– Вот там недалеко побережье. Можешь слетать и поглотить парочку морских чаек. Они крупные.

Было совершенно непонятно, шутит он или говорит серьезно.

– Ладно, справлюсь, – Кузя снял с шеи крест и положил на стол, – все равно в Коимбре было здорово. Жаль, что ты не можешь прилететь в гости. Я бы показал тебе снежные горы.

Педру посмотрел на него:

– Для того чтобы такой, как я, пересек границу – нужны исключительные обстоятельства. Я был у вас недавно и надеюсь, новая нужда возникнет нескоро.

– Ага, – согласился Кузя, – такого нам больше не надо.

Он подошел к столу и взвесил в руке один из свертков, пахнущий рыбой.

Несмотря на ночной холод, сеньор Афонсу сидел на своем любимом парапете в одной тонкой куртке. Но Педру не стал предлагать свою менторскую капу: колдун должен уметь переносить неудобства. Тем более – будущий король. Педру неслышно подошел сзади, но сеньор Афонсу сразу же обернулся, вскочил, вскинул руки, и на голову Педру обрушилось оружие колдуна – мощный водопад.

Педру откинул волосы, стряхивая воду, и улыбнулся одними уголками губ:

– Вы делаете успехи. Сбить меня с ног вам удастся еще нескоро, но...

– Как вы могли?! – выдохнул Афонсу. В его голосе смешались злость и обида.

– Я понимаю ваш гнев... – произнес Педру, но сеньор Афонсу снова его перебил:

– Вы угрожали! Мне! Моей семье! Перед всей Академией!

– Я лишь хотел, чтобы вы поняли мои чувства. А фаду выражает чувства лучше всего.

И мне показалось, что вы поняли.

– Я-то понял... А что поняли остальные? Вы же видели, что студенты испугались!

– Оно того стоило.

Сеньор Афонсу молча отвернулся и посмотрел на город. А потом снова заговорил, совсем тихо и будто даже обреченно:

– Вы в меня не верите. Ни в мою силу, ни в мою волю. Ни в то, что я смогу занять должность ректора без «права крови». Я наизусть знаю наше генеалогическое древо. Таких «носителей королевской крови», как я, – несколько десятков. Дом Браганса довольно обширный, и я уверен, что вы тщательно следите за всеми его ветвями и за каждым отпрыском, наделенным колдовской силой. А что, если я умру, а? Вы просто выберете кого-то другого, пусть похуже, но главное, чтобы у него была пресловутая священная кровь?

– Сеньор Афонсу, я тоже могу погибнуть, – ответил ему Педру.

– Вы опять угрожаете... как же мне надоел этот шантаж... – юноша сжал кулаки.

– Это не шантаж. – Педру присел на корточки возле парапета так, чтобы их глаза оказались почти ровень. – Представьте, что я погиб во время Прорыва в Российской империи. Ведь такой риск был. Тогда, согласно древней традиции, в благодарность за помощь Россия отдаст нашей Академии бештаферу, равного мне по силе. Нет, не Инеш, которую вы знаете хотя бы по книжкам. А кого-то совершенно чужого. Дикаря, пойманного во время Прорыва, а то и вообще расщедрятся на Русское Чудовище. И вам придется с ним работать в одной связке много лет. Ощущать совершенно чуждые и непонятные вам мысли и чувства. А главное – заставить подчиняться, почитать вас как своего короля. По-настоящему, а не только под давлением заклятий и Высших приоритетов. А теперь подумайте, что вы предлагаете мне. Взять и признать над собой власть чужака? Которого я помню всего лишь простым студентом.

– Я понимаю, о чем вы... Но ведь в других Академиях бештаферы это... – юный колдун попытался подобрать слово, и Педру с легкой улыбкой закончил:

– ...терпят? Бештаферы терпят это ради Академий, которым служат. Пытаются ужиться с новым ректором или, наоборот, постоянно проверяют на прочность, требуют доказать, что тот достоин их службы. Вы жалуетесь, что у вас нет выбора. Но и у меня его нет. Мы в одной лодке, сеньор Афонсу.

– Именно. И эта лодка – Академия, – юноша внимательно посмотрел в глаза, – я понимаю, о чем вы говорите. И ваши чувства тоже. Но вы сами сказали, что будет, если с вами... что-то случится. А что произойдет с нашей Академией, если в этот трагический момент на месте ректора окажется король, который «хорошо, что не лупит себя своим же оружием»? Сможет он подчинить Русское Чудовище? Одной силой своей священной крови, на которую новому бештафере будет совершенно наплевать?

Эти слова привели Педру в восхищение. Юноша, почти мальчик, умудрился поймать его в собственную ловушку. И юный колдун даже в чем-то прав. Кроме одного, главного. Именно королевская династия Браганса уже несколько сотен лет производила на свет очень сильных колдунов. Поэтому прежде ей удалось скovyрнуть с насиженного места выродившихся и потерявших силу Габсбургов, забывших, на чем должна основываться мощь аристократических родов. Габсбурги предпочли интриги и политику и брали в жены даже обделенных какой-либо силой женщин.

Педру же всегда следил за тем, чтобы избранницей будущего короля оказалась сильная чародейка или, на худой конец, колдунья.

Да, случались сбои. Старшие сыновья дона Криштиану не смогли даже сдать экзамены. Но потом родился сеньор Афонсу, и его сила оказалась очень велика. Да и внуки дона Криштиану, если верить первым проверкам, тоже способны стать хорошими колдунами. Если система отличилась веками, зачем отказываться от нее?

Иногда происходящее в мире пугало Педру. Аристократия повсеместно утратила свое былое величие и значение. Колдуны всюду женились на лишенных силы простолюдинках. И каждая такая свадьба оставляет в сердце Педру настоящую рану. Он слышал, о чем два мальчишки, колдун и бештафера, говорили совсем недавно. Мир меняется. И эти изменения Педру совершенно не нравились. Что станет с миром, если колдуны выродятся совсем?

Но Педру не стал озвучивать свои мысли юноше. Колдун еще слишком мал, чтобы понять. Главное, чтобы он не наделал глупостей, пока не вступит в должность. А там... Педру сумеет убедить нового ректора в своей правоте. Должен суметь.

– Я не сомневаюсь, сеньор Афонсу, что вы способны занять должность ректора без всякого права крови. Обещаю, что больше не буду сочинять такие фаду. Но и вы не должны давать повода подумать, что между королевской семьей и главным ментором имеются какие-то разногласия. Здесь вы правы: это может сильно напугать.

Он поднялся. Афонсу тоже вскочил.

– Я совершил ошибку, выйдя с этим плакатом, – быстро произнес он. – Прошу извинить меня.

Педру протянул руку, будто хотел коснуться груди юноши, но остановился, так и не завершив движение:

– Вы можете и даже должны спорить со мной на занятиях, если не согласны. Высказывать недовольство устаревшими, с вашей точки зрения, правилами и бороться с ними. Но личных конфликтов между нами быть не должно. По крайней мере таких, которые заметны всем. Я тоже прошу простить меня за несдержанность.

Он опустил на одно колено, не убирая, впрочем, руки, и добавил:

– Вы всегда можете прийти сюда, как вы это делали не раз, и даже облить меня водой, если очень расстроены и недовольны. И мы поговорим.

– Хорошо! – в голосе сеньора Афонсу послышалось облегчение. Он тоже вскинул ладонь, коснулся руки Педру и, пожелав доброй ночи, со всех ног помчался к арке. Педру проводил его взглядом, а потом, поднеся на миг к губам пальцы, еще хранившие тепло прикосновения, направился в кабинет дона Криштиану. Сегодня предстоял еще один нелегкий разговор.

Он аккуратно поймал и поставил на полку возле двери пресс-папье в виде серебряного льва, которое полетело в него, как только он переступил порог кабинета дона Криштиану, и даже успел принять коленапреклоненную позу, прежде чем на его затылок обрушился многократно усиленный щитом удар.

– Уф, – проговорил дон Криштиану, потирая руку, – так полегче... Второй участник этой трагикомедии получит свою порцию дома.

– Умоляю, не наказывайте сеньора Афонсу, – проговорил Педру, прежде чем новый удар заставил его уткнуться лбом в пол. Он не стал поднимать голову, но добавил: – Он вел себя достоинством, соответствующим будущему королю! И каждый его поступок вызывает у меня лишь уважение!

– Я знаю, – дон Криштиану направился обратно к своему креслу, – именно поэтому Афонсу получит взбучку только на словах. Для своих тринадцати лет он ведет себя на удивление разумно. В отличие от тебя. Что это было, я спрашиваю? Ты до смерти всех перепугал. Угрожал! У меня чуть сердечный приступ не случился!

– Мой повелитель... это всего лишь поэтическая метафора...

– Что?! – ректор, уже собиравшийся сесть, снова обернулся и вскинул руку. – Угроза спалить Коимбру у тебя называется «поэтическая метафора»?!

Педру поднял голову и постарался придать своему лицу выражение раскаяния:

– Но это же фаду... я лишь пел о своих чувствах, и сеньор Афонсу понял их!

– Да, я заметил. Мне с балкона был виден даже тот палисадник, который ободрал мой сын, чтобы «твои чувства» не спровоцировали панику среди профессоров и студентов. Вы стоите друг друга. Жду не дожусь, когда этот оболтус вырастет, чтобы наконец передать Академию и тебя в придачу в его заботливые руки и уйти на покой. Уеду в Помбал или Алкобасу, заведу виноградник... буду лечить нервы вином собственного изготовления... если до этого счастливого момента вы с Афонсу не доведете меня до сердечного приступа.

– Повелитель... – Педру испуганно замер. И тут дон Криштиану наконец уселся в кресло и улыбнулся:

– Ладно, извини, теперь я перегнул палку. Я отлично помню, как ты проверял мою силу и волю, когда мне было тринадцать. Хотя со мной ты вроде был помягче. Или мне так кажется на фоне всех твоих выходов, пришедшихся на время моего ректорства? У меня уже вся голова седеет!

Педру поднялся, отлично понимая, что буря миновала, и проговорил:

– Ваш сын очень силен, повелитель...

– И я рад этому. Однако ты выбрал не самое лучшее время проверять его на прочность. Не приходится сомневаться: все, что произошло сегодня, немедленно станет известно проректору Меньшову. А его посланник умудрился спеться с Афонсу. Ты ведь специально пристроил его к анархистам, так?

– Конечно. Я знаю о ваших планах отправить наследника в Россию.

– Да, теперь я это твердо решил. Афонсу нужно побольше узнать об этой стране и ее нравах. А не только о людях, умерших более полувека назад вместе с их безумными идеями. Ему придется иметь с русскими дело. А в Московской Академии в ближайшее время все может сильно измениться.

– Вы применили к посланнику толику своей силы. Но не стали допрашивать его. Не задали ни одного вопроса, что я подготовил. Почему?

– Я и так получил все ответы. Ты же заметил его увертки и заминки. Сейчас нужно быть очень осторожными. И показывать излишний интерес не стоит. Допрос посланника с применением силы – это как минимум невежливо. Тем более – моей силы. – Дон Криштиану едва слышно рассмеялся. – Инеш жива, но в Академии ее нет. Она защищает Хранилище. А мы

благодаря твоим агентам знаем, как устроена его защита. Инеш скрылась, возможно потому, что не доверяет кандидату в ректоры. Как думаешь?

– Проректору Меньшову... – Педру посмотрел в лицо повелителю, – но почему? И в любом случае несовершенная система выборов принудит ее подчиниться тому, кого утвердит коллегия.

– Да, ректор Светлов умер, и тут же началась смута. В такие моменты практические идеи моего сына не кажутся слишком разумными. Академии имеют дело с очень могущественными силами. С ними не стоит играть в обычные политические игры. Знать бы, как собирается поступить Инеш... что-то мне подсказывает, что в Московской Академии происходят необычные события, – дон Криштиану вздохнул и продолжил: – Скажи мне, много ли стран, а точнее – тех людей, что правят ими, мечтают сделать Академию государственной структурой и подчинить своей власти?

– Почти все, – не задумываясь, ответил Педру, – и некоторым из них достаточно всего лишь вернуть законные права своему королю.

– Я сейчас не об этом. Подумай: что, если государственная структура какой-то страны внедрит в Академию своего человека? Идеального, на сто процентов верного и преданного административной машине? Талантливого и очень сильного колдуна? И тот, не размениваясь на мелочи типа шпионажа и передачи секретов Академии спецслужбам, сделает карьеру и... в конечном итоге займет должность ректора? Как, по-твоему, это похоже на одного твоего очень хорошего знакомого?

– Власть в России сменилась. И несмотря на то что государственный строй остался прежним, это лишь видимость. Перемены эту страну ожидают грандиозные, – Педру подошел к столу. – Я написал письмо проректору Меньшову. Отправил вместе с подарком. Надеюсь в ближайшее время получить от него максимально честный ответ. К сожалению, уже нет сомнений в том, что мой осведомитель разоблачен. И проректор даже не стал унижать меня передачей через него ложной или нейтральной информации, а четко дал понять, что опередил меня.

Дон Криштиану усмехнулся:

– А ты так до сих пор и не вычислил его шпиона? Ах, ну что же, этот раунд за ним.

Педру приподнял уголки губ:

– Я... забросил наживку. И посланник, без сомнений, ее передаст. Осведомитель проректора Меньшова будет носом землю рыть, чтобы понять, что у нас происходит. И, я надеюсь, выдаст свой интерес.

Брови дона Криштиану сдвинулись к переносице. Он медленно поднялся с кресла.

– Так, Педру... только не говори мне, что ты затеял весь этот фарс с фадом на глазах у бештаферы-посланника нарочно? Чтобы поиграть в любимую игру со своим ненаглядным Меньшовым?! Ты что же, готов выставить нас полными идиотами перед новым ректором Московской Академии только лишь потому, что тебя зацепило, что он первым вычислил твоего шпиона?!

Дон Криштиану зашарил рукой позади себя, пытаясь найти подходящий предмет. Им оказалась прислоненная к каминной решетке кочерга. Педру попятился к двери, выставив вперед ладони:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.